

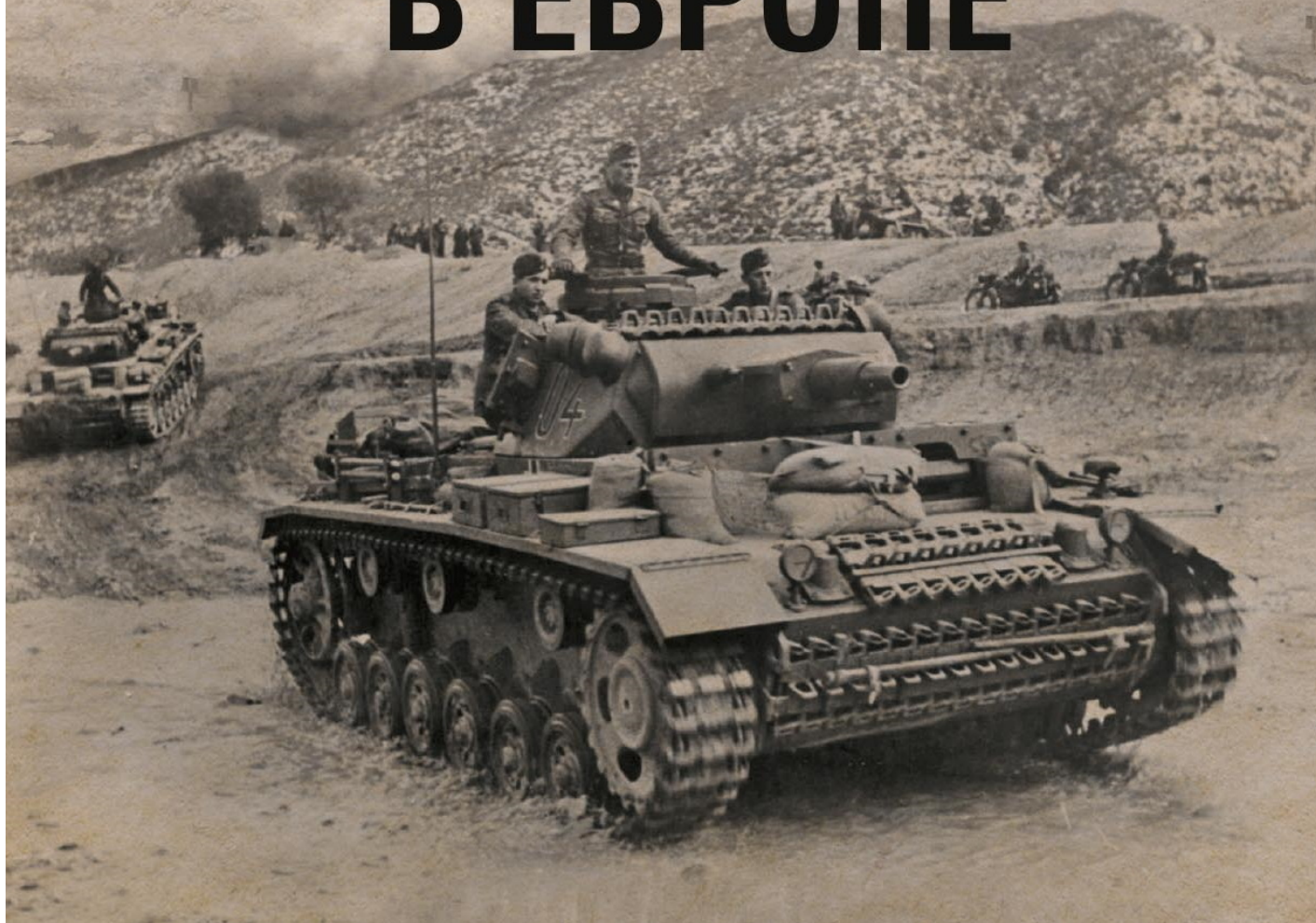
ЭРВИН РОММЕЛЬ

1940

ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛ
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

1944

БОЕВЫЕ ОПЕРАЦИИ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ И НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ В ЕВРОПЕ

Эрвин Роммель

**Боевые операции в Северной
Африке и на Западном
фронте в Европе. 1940–1944**

«Центрполиграф»

1944

УДК 94(100)"1939/1945"
ББК 63.3(0)62

Роммель Э.

Боевые операции в Северной Африке и на Западном фронте в Европе. 1940–1944 / Э. Роммель — «Центрполиграф», 1944

ISBN 978-5-9524-5950-2

После смерти Роммеля в 1944 г. остались архивы, в которых немецкий полководец записал историю своей драматической карьеры и подробности совершенных им военных кампаний. Каждый вечер Лис Пустыни, как прозвали его англичане, диктовал беглый рассказ о событиях дня, а после каждой битвы — подводил итоги ее хода и уроков, которые следует из нее извлечь. Почти ежедневно он писал жене откровенные письма, в которых выражал личное отношение к происходящему на фронтах, а затем и свои печальные предчувствия. Кроме того, он продемонстрировал свой взгляд на союз оси и на внутренний механизм работы высшего командования фюрера. Сын Роммеля Манфред добавил к запискам отца рассказ о последних неделях жизни фельдмаршала вплоть до момента, когда ему по приказу Гитлера был предоставлен выбор: почетное самоубийство или позорный суд за измену. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(100)"1939/1945"

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-9524-5950-2

© Роммель Э., 1944
© Центрполиграф, 1944

Содержание

Введение	6
История записок Роммеля	13
От редактора	17
Часть первая	19
Глава I	19
Глава II	38
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Эрвин Роммель

Боевые операции в Северной Африке и на Западном фронте в Европе. 1940 – 1944

Edited by Liddell Hart
THE ROMMEL PAPERS

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2023
© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2023

Введение

Воздействие на мир меча Роммеля прирастет силой его пера. Ни один полководец в истории не оставил описаний своих кампаний, по яркости и ценности сравнимых с роммелевским, теперь в основном извлеченных из различных тайников и собранных в этом томе.

Ни один военачальник не дал такой наглядной картины своих операций и методов командования. Больше никто так ярко не отразил на бумаге динамизм *блицкрига* и скорость движения *танковых* войск. Во многих отрывках захватывающе передано ощущение стремительного движения и быстрого принятия решений: Роммель везет читателя с собой в своей командирской машине.

Великие полководцы были по большей части скучными писателями. Помимо отсутствия литературного мастерства в описании своих сражений, они, как правило, склонны затуманивать работу своей мысли. Повествуя о своих действиях, они мало сообщают потомкам об их мотивах. Исключение представлял Наполеон, но ценность его рассказа снижает беспринципность в интерпретации фактов сверх общепринятой нормы и стремление потасовать бухгалтерский баланс. Как и у Цезаря, его сочинения не просто приукрашены, но созданы с пропагандистскими целями.

Повествование Роммеля поразительно объективно и образно, и в процессе написания его, как и большинство творивших историю личностей, безусловно, заботило собственное место в ней. И несмотря на то что в трактовке событий он проявляет естественное стремление оправдаться, починена она жгучему интересу к военным урокам походов. Его свидетельства необычайно хорошо выдерживают критический анализ и проверку другими источниками. В них можно отыскать ряд фактических ошибок, однако меньше, чем во многих официальных и личных повествованиях, оппортунистически подогнанных под послевоенное знание. При отдельных спорных трактовках нет слишком часто встречающегося в подобных рассказах преднамеренного выпячивания национальных или личных заслуг.

Четкость и высокая точность, отличающие нарисованные Роммелем картины операций, еще примечательнее оттого, что стремительные танковые сражения, в особенности в пустыне, обычно оставляют смутные впечатления. Ясность нарисованной Роммелем картины во многом обусловлена манерой его командования – привычкой идти вперед и стремлением находиться в решающий момент близ решающего места, а также длительными самостоятельными тренировками наблюдательности, зорким профессиональным взглядом, замечающим в происходящем главное, а также умением это главное зафиксировать. Проявлением этого качества была его страсть к фотографированию при каждом шаге продвижения вперед – как и у Лоуренса Аравийского на арабском театре военных действий Первой мировой.

Эти два мастера ведения войны в пустыне при всех различиях в темпераменте, круге интересов и философии обладали заметным сходством. Их поразительно сближало чувство времени и пространства, инстинкт внезапности, умение использовать местность и благоприятную ситуацию, сочетание гибкости с предвидением, а также идеи прямого личного командования военачальника. Еще одна чисто военная общность состояла в приложении механизированной мобильности к войне в пустыне. Лоуренс, в массовом сознании чаще всего представляемый верхом на верблюде, одним из первых осознал, насколько новые средства передвижения могут изменить войну в пустыне, что в зародыше и в миниатюре продемонстрировал боевым применением нескольких броневиков и самолетов. Широкое использование Роммелем этих возможностей привело бы знатока военного дела и революционера по натуре Лоуренса в восторг.

И Роммель стремился выразить себя не только в бою, но и за письменным столом. Это отчетливо – задолго до полководческой славы – показал его необычайно яркий трактат о пехотной тактике, на который молодого офицера Первой мировой вдохновил военный опыт и

попытка его обобщения. Большинство учебников по тактике смертельно скучны, но ему удалось вдохнуть в этот жанр новую жизнь. Более мобильные операции и собственная более значимая роль в следующей войне расширили перед ним простор, чем он в полной мере и воспользовался. Его писательский талант не уступал полководческому. Тот же экспрессивный дар и порыв видны и в его карандашных или цветными мелками по бумаге зарисовках планируемых или просто воображаемых операций.

Во время всей своей деятельности в период Второй мировой войны он постоянно держал в голове замысел книги, размахом не уступающей боевым действиям, и постоянно делал для нее заметки, которые в любую минуту передышки превращал в повествование.

Смерть по приказу Гитлера помешала ему завершить замысел, однако из набросков получилась непревзойденная в своем жанре книга. Возможно, ей не хватает блеска, но ее литературная мощь просто поразительна. Наряду с ясностью описаний ее отличает драматическая напряженность, а ее ценность значительно возрастает благодаря сопровождающим и поясняющим рассказ комментариям. Раздел «Правила ведения войны в пустыне» – виртуозный образец военной мысли, а все повествование усыпано мудрыми размышлениями, часто в новых ракурсах – о сосредоточении во времени, а не в пространстве, об эффекте скорости в подавляющем численном перевесе, о гибкости как средстве внезапности, о безопасности, обеспечиваемой дерзостью, об отупляющих условностях «квартирмейстерского ума», о создании новых стандартов и неподчинении нормам, о ценности не прямого, а косвенного ответа на ходы противника, о том, что отсутствие превосходства в воздухе требует кардинального пересмотра правил наземных операций, о неразумности неизбирательных репрессий и безрассудстве жестокости, о принципиальной нерациональности и беспринципной рациональности.

Пока не заглянул в записки Роммеля, я считал его блестящим тактиком и великим командиром-вдохновителем, но не осознавал, насколько глубоко у него развито стратегическое чувство – или, во всяком случае, разработано в его размышлениях. Неожиданностью было обнаружить, что подобного рода вдохновитель – настолько глубоко мыслящий человек, а его дерзость настолько проникательно рассчитана. В отдельных случаях его ходы можно критиковать как слишком рискованные, но не как безрассудные удары слепого и вспыльчивого игрока. При анализе операций можно увидеть, что некоторые из его неудачных ударов с тяжелыми последствиями для него едва не оказались более серьезными для его противников. Более того, его удары даже в случае неудачи производили на них такое впечатление, что давали его армии шанс спастись.

Один из более четких способов оценки командиров – это глубина впечатления, которое они производят на противоположную сторону. По этому показателю статус Роммеля очень высок. За столетия войн сравнимое впечатление на британцев произвел только Наполеон, и то не исключительно военными операциями, как в случае Роммеля.

Более того, Роммель стал для британцев не просто пугалом. Благоговение перед его динамичным полководческим мастерством переросло в почти умильное восхищение им как человеком. В первую очередь этому способствовала скорость и внезапность его операций, но этому способствовало и то, что в африканской войне он соблюдал приличия кодекса ведения военных действий, а также его личное рыцарское поведение по отношению ко многим военнопленным, с которыми он встречался лично. Он стал героем сражавшихся против него войск 8-й армии – до такой степени, что, если им хотелось похвалить какой-нибудь собственный успех, говорили: «как Роммель».

Столь сильное восхищение вражеским командиром таило в себе скрытую опасность для боевого духа солдат. Поэтому британское командование и штабы вынуждены были приложить напряженные усилия, чтобы развеять «легенду о Роммеле». Благодаря как чувству их порядочности, так и его личному поведению подобная контрпропаганда была направлена не на очернение его характера, а на умаление масштаба его военного дарования. Опорой тому служили

его окончательные поражения – и вряд ли от противников следовало ожидать подчеркивания огромной нехватки у него сил и ресурсов или признания значения того, чего ему при подобных нехватках удалось добиться. Более справедливое сравнение и более верный расчет оставлены истории, имеющей обыкновение исправлять временно сопутствующие победе поверхностные оценки. Ганнибал, Наполеон и Ли потерпели поражения, но на весах истории поднялись над своими победителями.

Для верного суждения о его деятельности необходимо должным образом учитывать условия и относительные ресурсы, а также другие факторы, которые командир не контролирует. Только тогда мы сможем правильно оценить качество его деятельности. Выдающаяся особенность многочисленных успехов Роммеля заключается в том, что они были достигнуты с меньшими ресурсами и без какого-либо господства в воздухе. Больше никакие генералы с обеих сторон во Второй мировой войне не выигрывали сражения при наличии подобных трудностей, кроме первых британских лидеров под командованием Уэйвелла, – а те сражались с итальянцами.

Действия Роммеля не были безупречными, и он потерпел несколько поражений, которых можно было избежать, однако в бою с превосходящими силами любой промах может привести к поражению, в то время как командир, обладающий большим преимуществом в силе, может эффективно скрыть многочисленные ошибки. При всей своей дерзости, быстроте движений и решений Роммель в целом служит хорошей иллюстрацией слов Наполеона, что «величайший генерал тот, кто допускает меньше всего ошибок».

В этом критическом замечании, однако, слышится слишком много пассивности для соответствия природе войны, а также тенденция к поощрению опасной осторожности. Вернее было бы сказать: «Величайший генерал – тот, кто заставляет противника допускать самые большие ошибки». Исходя из этого критерия Роммель сияет еще ярче.

Оптимальная грань сравнения знаменитых полководцев разных эпох пролегает через их искусство, которое можно отличить от меняющейся тактики. Можно провести сравнительное исследование того, как они использовали имеющиеся в их распоряжении средства для достижения результатов, в особенности использование ими мобильности, гибкости и внезапности для нарушения ментального и физического равновесия противников. На примере тех, кто раскрыл свои замыслы, можно даже оценить, насколько достигнутые ими результаты были предметом расчета.

В этом прежде всего заключается познавательная ценность записок Роммеля, тем более что его повествование не пересматривалось в свете конъюнктуры послевоенного знания, а его письма часто содержат свидетельства того, как он подходил к своим проблемам еще до наступления события. Именно в подходе, а не в действии человек раскрывает направленность мысли и ориентацию ума.

«Записки Роммеля» успешно развеют пыль споров, вызванных самыми разными мотивами. Роммель писал задолго до того, как он мог представить возникшую за пределами Германии полемику и подготовить свои заметки для ответа на нее, а его письма жене еще непосредственнее. Удивительно, насколько он откровенен в эпистолярных комментариях, учитывая обязательную перлюстрацию писем военной цензурой. Из этих объединенных источников читатель может получить четкое представление о мыслях Роммеля и основных принципах его действий. Картина, естественно, может отличаться в зависимости от склонности отдельного читателя, но в самой личности и ее различных аспектах мало неясностей.

Роммель был очень человечен – если не считать его необычайной энергии и военного гения. В его рассказах и письмах отчетливо проявляются «изъяны», как и у большинства предводителей человечества, он пребывал в состоянии зачаточного развития. В период наибольшего успеха его замашки отмечены очаровательным мальчишеством, но опасно нефилософским, а взгляды – ограниченностью, необходимой для успеха в командовании. Его письма

свидетельствуют, что в начале войны он рассматривал ее как большую игру, игру, в которой он служит отечеству, и муштровал себя учениями с прямодушной преданностью. Чтобы добиться максимального лидерства, командир должен ощущать себя так же, как и на войне, – и самые напористые из них всегда так себя ощущали. Роммель обладал необычайной способностью к размышлениям, но до последних месяцев жизни он не выходил за рамки военной сферы.

Как и большинству решительных солдат, ему нелегко давалась терпимость к противоположным взглядам, в особенности у товарищей по оружию. Это проявляется, в частности, в его резких комментариях о Гальдере и Кессельринге, безусловно несправедливых по нескольким пунктам, но следует также помнить, что на позднейших стадиях африканской кампании он болел, что, естественно, не могло не исказить и не затуманить его взгляд. Но он не умел злиться – его вспышчивость компенсировалась отходчивостью, – и, когда гнев проходил, он с величайшей готовностью заглаживал допущенную несправедливость. Это проявилось, например, в той высокой дани уважения, которую он отдает Кессельрингу в последних размышлениях. Более того, его комментарии о противниках – французах, британцах и американцах – демонстрируют замечательное отсутствие ненависти и готовность признать их лучшие качества.

Отношение Роммеля к фюреру и долгая ему верность – загадка только для тех, кто не понимает склада ума, с молодых ногтей выработанного подготовкой кадрового военного, в особенности в Германии, и не может себе представить, как все выглядит с его колокольни. Но документы проясняют два фактора, которые со временем упрочили его воинскую верность. Легко заметить, что динамизм Роммеля и Гитлера перекликались, а обструкция, чинимая ему промежуточным этажом «высшего эшелона», с которым он находился в тесном контакте, заставляла его сильнее сочувствовать далекому фюреру. Так продолжалось, пока рефлексия Роммеля была чисто военной. Но широта независимой власти, которой он обладал в Африке, большие проблемы, с которыми ему приходилось сталкиваться, и глубокое впечатление, произведенное на него материальным превосходством союзников, постепенно расширили сферу его размышлений, что способствовало существенной перемене взглядов, произошедшей, когда он вернулся в Европу и ближе общался с Гитлером. Фиксировать процесс этих перемен на бумаге было бы с его стороны безумием – фактически некоторые из его более поздних писем свидетельствуют о явном стремлении завуалированно выразить изменившийся настрой, – а в его записях разбросано множество подсказок. Его сын и ближайшие соратники дополнили их своими свидетельствами того, как его довели до отступничества и решимости свергнуть Гитлера, стоившей ему жизни.

Однако главное значение записок состоит в том обильном свете, который они пролили на военное руководство Роммеля. Их показания подтверждают мнение британских солдат, реально против него сражавшихся, и показывают, что их оценка ближе к истине, чем контрпропаганда, направленная на обесценивание его солидной репутации. «Легенда о Роммеле» явно обоснована куда лучше большинства других. Если не считать того, что ему удалось избежать смерти или попадания в плен в бою, удаче он был обязан меньше, чем большинство прославившихся полководцев. Теперь, когда его подлинные концепции и работа его ума открыты для изучения, становится очевидным, что успехи его не случайны, а заслуженны. Они несут на себе печать военного гения.

Здесь не место для биографического обзора карьеры Роммеля, мастерски и ярко представленного в книге Десмонда Янга¹, служащей ценным дополнением к этой работе. Но, возможно, стоит в сжатом виде представить основные черты полководческого искусства Роммеля и кратко обсудить их в связи с общим опытом ведения войны.

В большинстве сфер деятельности гениальность ассоциируется с оригинальностью. Тем не менее среди тех, кого принято называть великими мастерами войны, это редкость. Большин-

¹ Rommel (Harpers, 1951).

ство из них добились успеха благодаря превосходному использованию традиционных инструментов, и лишь немногие искали новые средства и методы. Это удивительно, ведь история показывает, как много раз решались судьбы народов, и самые эпохальные исторические изменения определялись сменой оружия и в особенности тактики.

Однако подобные усовершенствования обычно производились неким исследователем войн со свежим складом ума и влиянием на прогрессивно настроенных солдат своего времени, а не действиями некоего высокопоставленного командира. Великих идей в истории войн меньше, чем великих полководцев, однако последствия их более далекоидущие. Различие между ними служит напоминанием о том, что существуют два вида «военного гения» – теоретик и практик.

В личности Роммеля они слились. Хотя теория *блицкрига* – нового сверхмобильного стиля ведения войны благодаря задействованию бронетанковых и моторизованных войск – родилась в Англии задолго до того, как появился Роммель, стремительность, с которой он ее подхватил, и то, как он ее разработал, свидетельствовали о свежести его мышления и врожденной концептуальной силе. Он стал ведущим после Гудериана выразителем новой идеи. Это тем примечательнее, что до февраля 1940 года, когда его назначили командиром 7-й танковой дивизии, у него не было опыта танкиста, а на изучение теории и освоение проблем обращения с подобными силами у него оставалось менее трех месяцев, прежде чем его бросили в бой. Его блестящее участие в танковых наступлениях, приведших к краху Франции, привело к тому, что ему дали возможность применить новую концепцию в Африке, а также преимущество независимого командования, до чего Гудериана в Европе никогда не допускали, к счастью для его уцелевших противников. Более того, в Африке Роммель продемонстрировал более тонкое применение теории, сочетая оборону с наступлением и заманивая танки противника в ловушки с наживкой при подготовке к своим молниеносным ударам. В других отношениях он также внес заметный вклад в новую тактику.

Примечательно, что Роммель был одним из немногих выдающихся полководцев, прославившихся и как военный мыслитель, и как писатель. Еще примечательнее тот факт, что шанс доказать полководческие способности он получил благодаря воздействию своих сочинений. Поскольку именно его книга «Пехота наступает» первоначально и привлекла к нему внимание Гитлера, а произведенное ею на фюрера впечатление проложило путь к феноменальному повышению автора.

Максимально Роммель сумел использовать свой шанс потому, что обладал еще и организаторским талантом. Мере его одаренности этим качеством можно лучше всего уразуметь, обратив внимание на качества, которые проявляли великие полководцы в истории, хотя степень каждого качества в каждом случае была разной.

В прежние времена, когда армии были невелики и сражались оружием ближнего боя, а ареной генерала было поле боя, а не театр военных действий, самым ценным полководческим качеством был *coup d'aile* – термин, обозначающий сочетание острой наблюдательности с быстрой верной интуицией. Все великие военачальники обладали прекрасной способностью мгновенно схватывать картину местности и обстановки, отношения одного к другому и частей к целому. Роммель явно этой способностью обладал. В Африке она приобрела новое значение вследствие стремительного характера бронетанковой войны и умеренного масштаба сил на этом театре военных действий.

Впоследствии из-за расширения видов вооружения и увеличения численности и масштабов армий возросла потребность в способности более широкой и глубокой, чем *coup d'aile*, – а именно проницательности. Веллингтон метко окрестил ее силой проникновения в происходящее «по ту сторону холма» – в тылу и в сознании противника. Сегодня еще более, чем в прошлом, командир должен обладать глубоким пониманием психологии в целом и психологии командира противника в частности. До какой степени Роммель обладал такого рода

проницательностью или психологическим чутьем, можно увидеть как в его записках, так и в его операциях.

Подобное психологическое чутье, в свою очередь, лежит в основе другого существенного и более положительного элемента военного гения – способности организовывать внезапность, делать неожиданный выводящий противника из равновесия ход. Для полного эффекта, как показывает история, она должна быть подкреплена острым чувством времени и умением развивать максимально возможную степень маневренности. Быстрота и внезапность – качества-близнецы. Это преимущественно «ударные» или наступательные качества настоящего полководца. И их развитие, как и развитие органов чувств, зависит от способности, которую лучше всего и кратко определить как творческое воображение.

По умению совершать внезапные ходы, острому чувству времени и умению развить такую маневренность, которая способна парализовать сопротивление, трудно найти современный аналог Роммеля, за исключением Гудериана – премьера *блицкрига*. Позднее схожие качества во время войны продемонстрировали Паттон и Мантейфель, однако сравнительная оценка затруднена вследствие более ограниченного масштаба их операций. Так же обстоит дело и с оценкой прошлого, где инструменты были настолько различны, хотя нам известно, что Зейдлиц, Наполеон и Бедфорд Форрест обладали выдающимися способностями достигать внезапности за счет быстроты, и хотя аналогичный динамизм можно увидеть у великих монгольских полководцев, таких как Чингисхан и Субэдэй. Тайна этого сочетания никогда не проявлялась так ясно, как в «Записках» Роммеля.

Стремясь вывести из равновесия противника, командир сам не должен терять равновесия. Он должен обладать тем качеством, которое Вольтер назвал краеугольным камнем успеха Мальборо, – «это спокойное мужество посреди суматохи, это душевное спокойствие в опасности, которое англичане называют хладнокровием». Однако к этому ему следовало добавить качество, точнее всего сформулированное французами как *le sens du praticable* – чувство того, что возможно и что невозможно – тактически и материально-технически. Сочетание обоих этих «охранительных» качеств можно назвать силой хладнокровия. Пески истории усеяны обломками прекрасно продуманных планов, рухнувших из-за их дисбаланса.

В связи с этим качеством Роммеля возникает много вопросов. Наряду с огромным мужеством он обладал так называемым артистическим темпераментом и, как показывают его письма, был склонен колебаться от экзальтации до депрессии. Более того, и в высшем штабном, и в собственном кругу его часто критиковали за то, что он недостаточно учитывал трудности снабжения и в стратегическом плане предпринимал больше, чем позволяли материально-технические возможности. В ряде случаев ход боевых действий такую критику оправдывал. С другой стороны, документы показывают, что в риске, на который он шел, был более глубокий, чем виделось поверхностному наблюдателю, расчет. Он требовал больше возможного по «штабным» меркам, поскольку таков был наиболее вероятный способ добиться больших результатов в новых стратегических условиях. Хотя временами эта стратегическая политика терпела неудачу, примечательно, насколько часто ему удавалось больше, чем возможно при любом нормальном с материально-технической точки зрения расчете, и, как следствие, достигались результаты, иначе никак не достижимые.

Наконец, в ряду всех прочих отличающих великого полководца качеств стоит подлинная сила лидерства командира. Это система зажигания боевой машины, при неисправности которой никакие навыки вождения не помогут. Именно благодаря великому лидерству командира войска вдохновляются на большее, чем кажется возможным, расстраивая «нормальные» расчеты противника.

Эти качества Роммеля как «великого полководца» несомненны. Раздражавший штабных офицеров, он вызывал поклонение в боевых частях и добивался от них на поле боя того, что выходило далеко за пределы любого рационального расчета.

Б.Г. ЛИДДЕЛ-ГАРТ

История записок Роммеля

Манфред Роммель

После смерти моего отца осталось немало накопившихся во время его походов документов. Армейские приказы, оперативные сводки, ежедневные донесения Верховному командованию – помимо этих официальных документов, он оставил ряд больших тетрадей, включающих его личный дневник и подробные заметки о французской кампании 1940 года и о войне в пустыне.

После Первой мировой войны мой отец опубликовал книгу по пехотной тактике, основанную преимущественно на собственном опыте. Работая над книгой, он обнаружил, что сохранил мало необходимых документов; не слишком помогал и дневник: нем самые важные периоды отмечены большими лакунами, когда отец был слишком занят сражениями и для ведения дневника просто не хватало времени.

Отец, несомненно, намеревался опубликовать еще одну книгу о военных уроках, извлеченных из собственного опыта Второй мировой войны, и с новыми записками решил избежать такого же невыгодного положения.

С момента пересечения границы и до мая 1940 года он принялся вести личные записи о своих операциях, которые обычно ежедневно диктовал одному из своих помощников. Всякий раз, когда позволяло затишье, он готовился к более взвешенной оценке произошедшего.

Он сохранил все свои официальные приказы, отчеты и документы. Вдобавок были сотни карт и эскизов операций, которые он или его сотрудники нарисовали цветными мелками, причем некоторые из них были аккуратно и точно обведены тушью, также были наброски карт, предназначенные для иллюстрации последующих произведений.

По мере того как события принимали менее благоприятный оборот, отец все больше беспокоился о том, чтобы объективное описание его действий сохранилось после его возможной смерти, чтобы его намерения нельзя было неверно истолковать. По возвращении из Африки он работал над своими бумагами в строжайшей тайне, диктуя или давая черновики для перепечатывания на пишущей машинке только моей матери или одному из своих адъютантов. По возвращении из Франции в августе 1944 года он начал писать отчет о вторжении, но уничтожил его, когда стало ясно, что его подозревают в соучастии в заговоре 20 июля. Вместе с тем некоторые бумаги, которые он, несомненно, сжег бы, будь у него время, сохранились.

Отец был страстным фотографом. И опять же ради своей книги он вернулся после Первой мировой войны в Италию, чтобы сделать фотографии мест, где воевал в 1917 году, требовавшиеся ему для тактических зарисовок, однако задача оказалась нелегкой, потому что итальянцы не приветствовали немецких офицеров с фотоаппаратами на своей приграничной территории. Мой отец путешествовал на мотоцикле с моей матерью как «инженер». Для книги, которую он планировал написать о Второй мировой войне, он намеревался хорошо запастись фотографиями и сделал их буквально тысячи, и в Европе, и в Африке, в том числе большое количество цветных. Фотографировал он только во время движения вперед, как он сказал мне однажды: «Свое собственное отступление я не фотографирую».

Кроме того, он почти ежедневно писал моей матери, и она сохранила около тысячи его писем.

Лишь часть всего этого материала пережила ожидавшие его превратности судьбы.

Несколько месяцев накануне начала войны мой отец командовал Военной академией в Винер-Нойштадте, примерно в пятидесяти километрах к югу от Вены. Академия располагалась в огромном старом замке. Когда в 1943 году эскадрильи британских и американских бомбардировщиков начали совершать налеты на город и нашему дому угрожала опасность быть раз-

рушенным, мы спрятали часть архива отца в глубоких подвалах замка, другую часть мы отправили на ферму на юго-западе Германии. Остальное мы взяли с собой, когда осенью 1943 года из Винер-Нойштадта переехали в Херрлинген, в восьми километрах от Ульма в Вюртемберге.

Смерть моего отца заставила мою мать еще ревностнее хранить его документы, не только по личным причинам, но и для того, чтобы, когда будет писаться история, можно было сказать правду. Уже во время похорон с ней заговорил офицер СС и попытался выяснить, что случилось с бумагами моего отца. Мы на удочку не попались. Тем не менее была большая вероятность, что их у нас попытаются отобрать.

Поэтому мама сразу начала собирать все бумаги в дом. Я отправился в Винер-Нойштадт за оставленными в подвалах замка документами. В ту пору не требовалось быть провидцем, чтобы понять, что со временем советские войска дойдут до Вены, и полгода спустя они действительно штурмовали замок, упорно обороняемый обучавшимися там курсантами офицерской школы, и тот превратился в груду щебня. Все, что не уничтожили, оказалось разграблено.

С помощью сестры моего отца и капитана Альдингера, его адъютанта, моя мать начала собирать все документы, готовясь в случае необходимости их спрятать. Прятать она решила в разных местах, потому что одно укрытие обнаружат скорее, однако маловероятно, что найдут все.

В середине ноября 1944 года капитан Альдингер, оставшийся с моей матерью, чтобы помочь ей разобраться в делах моего отца, внезапно получил приказ бургомистра Ульма явиться на главный городской вокзал. Говорили, что там будет офицер из штаба генерала Майзеля и он должен обсудить с капитаном Альдингером некоторые вопросы. Месяцем ранее генерал Майзель увез моего отца. Далее капитану Альдингеру сообщили, что этот офицер получил приказ затем отправиться в Херрлинген.

Ни мать, ни капитан Альдингер цели этого визита не знали. Планировался арест? Или они намеревались провести обыск в поисках записей моего отца? Никто не мог сказать.

Работа по сокрытию оставшихся бумаг была максимально ускорена. К вечеру 14 ноября, за исключением черновиков и набросков для личных заметок, в доме остались только официальные военные документы с пометкой «Секретно», которые в любом случае придется сдать.

Утром 15 ноября Альдингер покинул Херрлинген и направился в Ульм. «Машину я оставляю здесь, – сказал он моей матери. – Бог знает, вернусь ли я. Может быть, меня немедленно арестуют. Если нет, я сразу вернусь в Херрлинген».

Моя мать ждала. Когда наступил полдень, она начала всерьез бояться, что Альдингер арестован. Опасность была более чем реальной, поскольку, кроме моей матери и меня, он был единственным свидетелем, знавшим истинную причину смерти моего отца. Часа в три калитка нашего сада открылись. Вошел Альдингер. Он был один и нес под мышкой объемистый пакет, завернутый в белую бумагу. К счастью, опасения моей матери не оправдались. Офицер штаба Майзеля передал жезл и фуражку отца, которые 14 октября после его смерти увезли два генерала. Эти «трофеи» они доставили в штаб-квартиру фюрера, и, как нам стало известно впоследствии, какое-то время они пролежали в столе Шауба, адъютанта Гитлера. Сразу же после смерти моего отца капитан Альдингер от имени моей матери неоднократно и энергично протестовал против такого неслыханного поведения, и теперь, вопреки всем ожиданиям, его протесты увенчались успехом.

К этому времени большую часть документов спрятали в разных местах. Они оказались на двух разных фермах на юго-западе Германии, в одном случае были замурованы в подвале, в другом завалены в подвале кучей пустых ящиков. Небольшой ящик, в котором хранились заметки моего отца о битве за Нормандию, наш друг закопал между стенами руин разбомбленного Штутгарта в части города, настолько разрушенной многочисленными воздушными налетами, что ее вряд ли могли счесть стоящей целью. Дневники отца за 1943–1944 годы отдали на хранение в госпиталь, а другие материалы отправили моей тете в Штутгарт. В доме в Херр-

лингене мать хранила черновики заметок отца, которые составили первоначальную рукопись об Африке, отснятые отцом во время французской кампании 1940 года пленки и его личные письма.

Как ни странно, мать настолько боялась, что нацистские власти могут завладеть бумагами, что даже не думала, что такой же интерес могут проявить уже приближавшиеся союзники.

Во второй половине апреля 1945 года бомбардировки стали непрерывными. Час за часом американские фугасные бомбы падали на Ульм, горевший днем и ночью во многих местах. С запада и с севера слышались звуки артиллерийской канонады, и день ото дня она становилась все более грозной. Остатки немецкой армии, безоружные, отступали через долину, на которой лежит Херрлинген, кто на телегах, кто пешком, все в постоянном страхе перед налетом американских истребителей-бомбардировщиков. Мобилизовали местный фольксштурм, набранный из четырнадцатилетних юношей и шестидесятилетних стариков. Повсюду расклеили плакаты с надписью: «Кто не защитит Ульм от врага, тот свинья».

Однажды, должно быть, это было 20 апреля, моя мать, выглянув в окно, увидела, что к Ульму приближаются американские танки. Только когда на следующий день солдаты союзников подожгли часть соседней деревни, ошибочно предположив, что та занята немецкими партизанами, и длинные колонны беженцев из этой деревни хлынули через Херрлинген, моя мать забеспокоилась о документах, которые все еще находились в доме. Она подготовила письма, заметки и пленки, чтобы в любой момент взять их с собой. Часть из них она уложила в старый сундук, который с помощью соседей закопала в саду.

Херрлинген заняли американские войска. Повсюду расставили часовых. Больше никаких материалов закопать было невозможно. Среди первых американцев, приехавших к моей матери, был капитан 7-й армии Маршалл. Он спросил, есть ли в доме документы. В полной уверенности, что личные письма не конфискуют, мать ответила:

– У меня только адресованные мне личные письма мужа.

– Где эти письма? – спросил Маршалл.

Он спустился с матерью в подвал. Увидев лежащие в ящике папки с письмами, сказал:

– Я должен их забрать. Мы хотим на них взглянуть. Я верну их через несколько дней.

Потом маме сказали, что возврат этих писем на некоторое время откладывается. Две недели спустя переводчик капитана Маршалла пришел к моей матери и сказал:

– Капитан ужасно сожалеет, что мы не можем сдержать обещание, но армия решила, что эти документы должны быть отправлены в Вашингтон.

Однажды, в середине мая, в восемь часов утра, маме приказали покинуть дом. В нем должно было быть расквартировано американское подразделение. Мама еще собирала вещи, а американские солдаты начали открывать ящики и шкафы и производить обыск. Многочисленные документы моего отца (черновики африканских заметок и выполненные от руки карты), находившиеся в то время на полках библиотеки, в письменном столе и в подвале, с тех пор никто не видел. Матери удалось только увезти на маленькой ручной тележке сундук с пленками отца, рукописью африканской кампании и существовавшего всего в трех экземплярах журнала боевых действий 7-й танковой дивизии во Франции в 1940 году.

Бумаги, спрятанные в других местах, постигла разная судьба.

На одной ферме на юго-западе Германии появились какие-то американцы, объявили, что они контрразведчики, и потребовали показать сундуки с архивом фельдмаршала Роммеля. К сожалению, некоторые из этих сундуков и ящиков уже втащили в дом из подвала, где они были замурованы. Американцы конфисковали ящик и сундук. В сундуке лежали документы, заметки и наброски отца времен Первой мировой войны – материал, который он использовал в своей книге «Пехота наступает». В ящике был отцовский полный комплект оборудования «Лейка» (фотоаппарат и двенадцать различных сопутствующих приспособлений), личные

вещи и около 3000 сделанных отцом снимков. Особенно он гордился своими цветными фотографиями, некоторые он снял с определенным риском для жизни. Помнится, одна из них производила наиболее сильное впечатление – идущая в штыковую атаку австралийская пехота. Было несколько тысяч других фотографий, которые он собрал у военных репортеров и солдат в период с 1940 по 1944 год, некоторые он успел снабдить подписями.

За сундук и ящик американцы дали расписку. Но приехавшие позже и пытавшиеся помочь в возвращении ящиков американские офицеры, которым мы показали эту расписку, усомнились в том, что эти люди действительно исполняли официальные приказы. На этой ферме остался еще один ящик с личным дневником отца с 1940 по 1943 год, а также записи о французской кампании 1940 года и две коробки с картами. Владелец фермы, друг моего отца, несмотря на угрозы двух сотрудников корпуса контрразведки, отрицал, что у него есть еще какие бы то ни было материалы. Впоследствии он сделал все возможное, чтобы сохранить для нас хотя бы эти коробки. Тем не менее коробку с дневниками и французскими заметками отца 1940 года в его отсутствие украли с чердака. Вряд ли вор обрадовался, открыв коробку.

Тем временем на другой ферме расквартировались марокканские войска. Забивали скот и птицу, во дворе горел открытый огонь. Марокканцы несколько раз тщательно все обыскали. К счастью, никто из них и не подозревал, что за грудой пустых ящиков скрывается еще один подвал. Именно так документы в нем сохранились.

Бумаги, которые хранила для нас моя тетя, и те, что зарыли в руинах Штутгарта, тоже пережили крах Германии.

Когда матери пришлось покинуть свой дом, она нашла временное пристанище в маленькой комнате по соседству. Именно здесь она провела инвентаризацию оставшихся у нее материалов. Ящик, закопанный в саду в Херрлингене, выкопали и перенесли в другое место. Доставили ящики с фермы, с которой к тому времени ушли марокканские оккупанты. Таким образом, когда мать, в конце концов, нашла новое пристанище в школе Херрлингена, она взяла все материалы с собой.

Когда мать узнала, что против моего отца будет возбуждено дело о посмертной денацификации с целью конфискации его архива, она снова погрузила бумаги в маленькую ручную тележку и спрятала документы подальше от дома. К счастью, эти новые угрозы так и не материализовались, хотя мы слышали о случае, когда аналогичные документы, принадлежащие другому офицеру, были конфискованы.

Воодушевленный бригадным генералом Янгом и начинанием капитана Лиддел-Гарта отредактировать бумаги моего отца, я в конце концов начал собирать документы из различных тайников. Фактически удалось быстро перевести несколько отрывков и включить их в качестве приложения к биографии моего отца, которую написал бригадный генерал Янг и которая к тому времени уже была в печати.

Бывший начальник штаба моего отца генерал Шпайдель неоднократно пытался вернуть личные письма отца матери. Генерал Янг попросил генерала Эйзенхауэра ходатайствовать перед Вашингтоном об их возврате. Наконец, благодаря усилиям капитана Лиддел-Гарта и после долгих поисков по заданию Американского исторического отдела полковник Навроцки передал письма генералу Шпайделю. Выяснилось, что в Вашингтоне они хранились не под фамилией отца Роммель, а под его именем Эрвин, которым он часто эти письма подписывал. Некоторые из них до сих пор отсутствуют, в первую очередь относящиеся ко времени высадки союзников. Тем не менее некоторые другие касающиеся Нормандии документы матери впоследствии вернули.

С возвратом этих писем мы поняли, что вернули столько бумаг моего отца, сколько избегли уничтожения войной и рукой самого отца ради личной безопасности, и неизбежно следующего за войной мародерства.

От редактора

В основном записки Роммеля посвящены кампании в Северной Африке. Весь его рассказ напечатан в этом томе. Единственная часть истории, осветить которую ему помешала смерть, — это зимняя кампания 1941–1942 годов. Таким образом, эта глава написана генералом Байерляйном — в то время начальником штаба Африканского корпуса — с помощью заметок и писем Роммеля, а также его собственных знаний о взглядах Роммеля, полученных в результате очень тесного контакта. Собственный исключительный опыт и способности Байерляйна как «танкового командира» делают это дополнение еще интереснее.

Рассказ Роммеля о кампании 1940 года в целом чрезвычайно захватывающий, но в некоторых местах он делает отступления, чтобы рассказать о мелких деталях движения частей, а иногда в событиях дня нет ничего особенно интересного. Такие отрывки были вырезаны, как указано в тексте.

За месяцы своего пребывания в Италии, в течение 1943 года, Роммель не проводил никаких активных операций, но в его дневнике есть ряд показательных записей об итальянском *государственном перевороте* и усилиях по предотвращению перехода Италии на другую сторону. Манфред Роммель сплел эти отрывки из дневника и письма Роммеля того времени в короткую главу.

Роммель не дожил до написания рассказа о кампании в Нормандии, но он оставил много заметок и ряд других записей, в особенности о своих идеях и планах до высадки.

Генерал Байерляйн собрал их воедино, а также включил в эту главу письма Роммеля того периода.

В последней главе Манфред Роммель рассказывает историю смерти своего отца и напряженных недель, предшествовавших приезду палачей, прибывших исполнить приказ Гитлера.

Интерес и ценность этих глав и собственного повествования Роммеля значительно повышаются благодаря его письмам. Ибо они передают ход его мыслей в данный момент боевых действий и, таким образом, помимо живости, часто дают историческую проверку воспоминаемого рассказа в его последующем повествовании.

Он писал жене почти каждый день, как бы тяжело ни было, хотя его письма всегда довольно кратки. Обычно они писались ранним утром, а иногда и во время движения на броневике или танке. Часто от движения машины или предрассветного холода почерк писем дрожащий.

Хотя и вынужденный соблюдать осторожность в отношении текущих военных операций, в комментариях он часто замечательно откровенен, невзирая на риск перлюстрации писем — либо обычной, либо тайной цензурой.

Естественно, многие из его писем были просто нежными записками к жене, но все содержащие важные комментарии включены в этот том.

Благодарности

В первую очередь я хотел бы выразить признательность Манфреду Роммелю и генералу Байерляйну за прекрасную работу по первоначальному сбору и классификации материала, я был очень впечатлен их усердием и добросовестностью в течение всех месяцев совместной работы над записками. Первым восстановленным разделом был черновик повествования Роммеля об африканской кампании, который был опубликован в Германии под названием *Krieg ohne Hass* («Война без ненависти») с рядом примечаний Манфреда Роммеля и генерала Байерляйна. Эти примечания сохранены в настоящем томе, где впервые публикуется весь материал, а я добавил многочисленные примечания редактора, чтобы прояснить некоторые моменты в повествовании и предоставить исторический фон, связывая действия и наблюдения Роммеля с действиями и наблюдениями союзников.

За обнаружение писем и их возврат фрау Роммель мы выражаем признательность генерал-майору Орландо Уорду, начальнику отдела военной истории США, а также инициативе выдающегося военного аналитика и историка бригадного генерала С.А.Л. Маршалла, к помощи которого я обратился.

При редактировании «Записок Роммеля» я хотел бы выразить признательность за стороннюю помощь, оказанную Марком Бонемом Картером, Полом Финдли (переводчиком, но не только) и Рональдом Политцером, а также Манфредом Роммелем и генералом Байерляйном. Было очень приятно и вдохновляюще иметь таких проницательных и способных сотрудников в редакционной работе.

Б.Г. ЛИДДЕЛ-ГАРТ

Уолвертон-Парк, Бакингемишир,

август 1952 года

Часть первая

Франция, 1940 год

Глава I

Прорыв на Маасе

10 мая 1940 года Гитлер начал давно ожидаемое вторжение на Запад². Оно увенчалось молниеносной победой, которая изменила ход истории и повлекла за собой далекоидущие последствия для будущего всех народов.

Решающее действие в этой потрясшей мир драме началось 13-го числа, когда танковый корпус Гудериана форсировал Маас у Седана, а танковая дивизия Роммеля – у Динана. Вскоре узкие прорывы превратились в огромную брешь. Текущие через нее немецкие танки за неделю дошли до побережья Ла-Манша, отрезав союзные армии в Бельгии. Эта катастрофа привела к падению Франции и блокаде Британии. Хотя Британии за своей водной преградой удалось выстоять, избавление пришло только после того, как затяжная война превратилась в мировую. Цена этого краха середины мая 1940 года была огромной и остается безмерной.

После катастрофы крах обычно рассматривали как неизбежный, а нападение Гитлера – как неотразимое. Однако видимость сильно отличалась от реальности – как выяснилось из раскрытой после войны информации.

Вместо предполагавшегося подавляющего численного превосходства, немецкие армии не смогли собрать столько сил, сколько противники. Наступление было начато с участием 136 дивизий, а противостояли ему 156 равных по силе французских, британских, бельгийских и голландских. Только в самолетах у немцев имелось большое превосходство, как в количестве, так и в качестве. Танков у них было меньше, чем на другой стороне – всего 2800 против свыше 4000. Также в среднем их танки уступали в бронировании и вооружении, хотя и немного превосходили в скорости. Главное преимущество немцев, помимо авиации, заключалось в скорости обращения с танками и превосходной тактике, которую они разработали. Их танковые командиры переняли и с решающим эффектом применили на практике новые теории, родившиеся в Британии, но непонятые командованием британской и французской армий.

Из 136 немецких дивизий только 100 были бронетанковыми, но эта небольшая часть, задействованная в качестве авангарда, фактически решила исход кампании еще до того, как в бой вступила масса германской армии.

Блестящие результаты этих танковых ударов заслоняли их малые масштабы, а также узость участка, на котором они добились успеха. Этого успеха можно было бы легко не допустить, если бы не паралич и слишком частое падение морального духа командиров и войск союзников перед лицом темпа и тактики наступления, к которым они не были подготовлены обучением. Как бы то ни было, успех вторжения зависел от ряда маловероятных шансов – и готовности таких динамичных лидеров, как Гудериан и Роммель, максимально подобными шансами воспользоваться.

Первоначальный план наступления на Западе был аналогичен плану Шлиффена до 1914 года, с основным упором на правый фланг, где группа армий «Б» Бока должна была наступать через равнину Фландрии. Но в начале 1940 года план был изменен – Манштейн предложил совершить более смелый, а значит, более неожиданный бросок через холмистые и лесистые

² Это вступительное примечание редактора, капитана Б.Г. Лиддел-Гарта. В других местах все его редакционные комментарии, за исключением сносок, выделены курсивом и подписаны инициалами Л. Г.

Арденны бельгийской провинции Люксембург. Теперь центр тяжести переместился на стоявшую перед этим сектором группу армий «А» Рундштедта. Ей придали семь из десяти немецких танковых дивизий и большую часть пехотных дивизий.

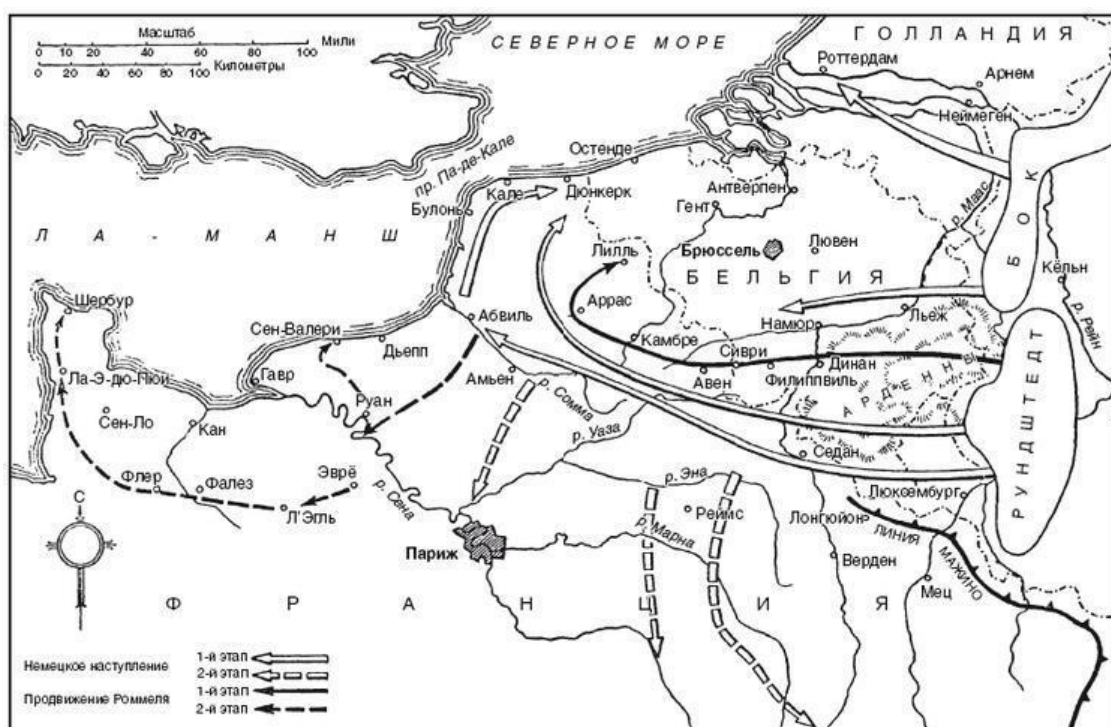
Основное наступление на Маас возглавила танковая группа Клейста, находившаяся в авангарде 12-й армии Листа. У нее было два авангарда, сильнейший формировал корпус Гудериана (из трех танковых дивизий), который нанес решающий удар у Седана, а корпус Рейнгартта (из двух танковых дивизий) справа от него стремился переправиться у Монтерме. Правее, действуя под командованием 4-й армии Клюге, танковый корпус Гота прорывался через северные Арденны для прикрытия фланга Клейста и с целью форсировать Маас между Живе и Намюром. Этот второстепенный удар имел два авангарда меньшего масштаба, сформированные 5-й и 7-й танковыми дивизиями соответственно.

7-й дивизией командовал Роммель. Это была одна из четырех «легких» дивизий, только зимой преобразованных в танковые. В ее составе был только один танковый полк вместо обычных двух, хотя этому полку было придано три батальона вместо двух, в общей сложности 218 танков. Более половины из них чешского производства³.

Изменили план с учетом уроков польской кампании. Там Роммель, сам ярый пехотинец, осознал возможности танковой армии. Только 15 февраля он принял командование 7-й дивизией в Годесберге на Рейне, но он изучил новую тактику и с необычайной быстротой к ней приспособился. Он и в пехоте всегда был динамичным, действуя так, как если бы она была мобильным войском, и был в восторге от куда больших возможностей мобильности, открывающихся на новом командном поприще.

В первый день наступление не встретило сопротивления. Масса бельгийской армии была сосредоточена для защиты равнины Фландрии, где расположены главные города, а холмистые и лесистые районы бельгийской провинции Люксембург за Маасом обороняли *арденнские егеря*, чья роль сводилась к тому, чтобы просто как можно дольше продержаться до подхода французов, прикрыв этот широкий фланговый подход к их собственной границе. Таков был расчет, на котором основывался бельгийский план.

³ В состав 7-й танковой дивизии входили: *Танки*: 25-й танковый полк (из трех танковых батальонов) 37-й моторизованный танковый разведывательный батальон *Пехота*: 6-й стрелковый полк 7-й стрелковый полк 7-й мотоциклетный батальон *Саперы*: 58-й саперный батальон *Артиллерия*: 78-й полк полевой артиллерии (или 3 дивизиона по 3 четырехорудийные батареи в каждом) 42-й противотанковый артиллерийский дивизион

1. Наступление от Рейна на Шербур

Однако в основе плана французов лежала более наступательная концепция. 1-я и 7-я армии, составлявшие основную часть французских механизированных дивизий, вместе с британским экспедиционным корпусом продвинулись далеко вперед на равнину Фландрии. Тем временем 9-я армия, составлявшая шарнир этого маневра, совершила более короткое фланговое наступление через бельгийскую границу, чтобы выстроиться вдоль Мааса от Мезьера до Намюра. Она состояла из семи пехотных дивизий (только одна моторизованная) и двух кавалерийских дивизий, причем последние представляли собой конные войска с механизированными частями. Кавалерия была переброшена через Маас в ночь на 10 мая, а на следующий день продвинулась вглубь Арденн, где встретила быстро наступавшие танковые дивизии, которые уже прорвали основную тамошнюю бельгийскую оборону.

Накануне нападения, в последние напряженные часы подготовки, Роммель написал это краткое письмо жене, а затем продолжил повествование:

9 мая 1940 года

Дорогая Лу!

Мы наконец собрались. Будем надеяться, что не зря. Все новости в ближайшие несколько дней ты узнаешь из газет. Не беспокойся. Все будет хорошо.

На приданном моей дивизии участке противник в течение последних месяцев готовил всевозможные заграждения. Все дороги и лесные тропы намертво забаррикадированы, а на главных дорогах взорваны глубокие воронки. Но большинство дорожных заграждений бельгийцы не обороняли, и поэтому лишь в нескольких местах моя дивизия на какое-то время задержалась.

Многие заграждения можно было объехать по полям или по второстепенным дорогам. В другом месте все войска быстро приступили к устранению препятствий, и вскоре дорога была расчищена.

При первом столкновении с французскими механизированными силами быстрое открытие с нашей стороны огня привело к поспешному отступлению французов. Я снова и снова удостоверился, что в боевом столкновении победа достается той стороне, которая первой

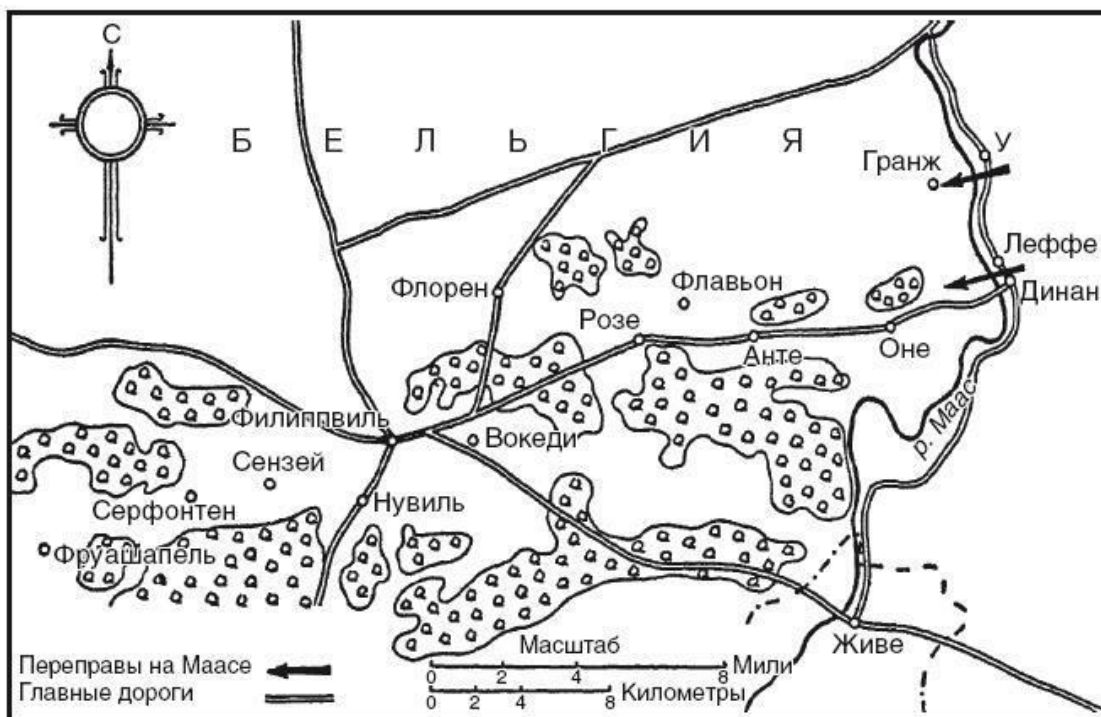
подавляет противника огнем. Тот, кто затаился и ждет развития событий, обычно оказывается в проигрыше. Мотоциклисты во главе колонны должны держать свои пулеметы наготове и открывать огонь, едва услышат выстрел противника. Это применимо даже тогда, когда точное расположение противника неизвестно, и в этом случае огнем надо просто накрывать удерживаемую противником территорию. Соблюдение этого правила, по моему опыту, существенно снижает собственные потери. В корне неверно просто останавливаться и искать укрытие, не открывая огня, или ждать, пока не подтянутся и не вступят в бой дополнительные силы.

Опыт этих первых боев показал, что, особенно в танковых атаках, немедленное открытие огня по району предположительного сосредоточения противника, вместо ожидания, пока не подбьют несколько наших танков, обычно решает исход дела. Даже неприцельный огонь из пулеметов и 20-миллиметровых противотанковых пушек по лесу, где расположились противотанковые орудия противника, настолько эффективен, что в большинстве случаев противник совершенно не в состоянии вступить в бой или сдает позиции. В боях с танками противника – которые чаще всего бронированы лучше наших – быстрое открытие огня оказалось правильным и очень эффективным.

11 мая 1940 года

Дорогая Лу!

Сегодня я в первый раз отдышался, и у меня есть минутка тебе написать. Пока все замечательно. Я намного опережаю соседей. От приказов и криков я окончательно охрип. Спал всего три часа и ел на ходу. В остальном я в полном порядке. Пожалуйста, удовлетворишься этим, я слишком устал для большего.

2. Прорыв на Маасе

После отступления 1-й и 4-й французских кавалерийских дивизий передовые части Роммеля во второй половине дня 12 мая вышли на берег Мааса. Его целью было переправиться, если возможно, на плечах французов и захватить плацдарм на западном берегу. Но мосты в Динане и У были взорваны французами как раз в тот момент, когда передовые танки начали переправу, и потому Роммелю пришлось предпринять штурм и форсировать реку на резино-

вых лодках. Эта атака началась рано утром следующего дня и стоила тяжелых потерь, прежде чем увенчалась успехом. Роммель пишет:

13 мая около 04:00 я выехал в Динан вместе с капитаном Шреплером. Вся дивизионная артиллерия уже заняла позиции согласно приказу, а ее передовые наблюдатели стояли на переправах. В Динане я обнаружил всего несколько человек из 7-го стрелкового полка. В город падали снаряды французской артиллерии, расположенной к западу от Мааса, а на спускавшихся к реке улицах стояло несколько подбитых танков. Из долины Мааса доносился шум боя.

Незаметно спуститься на моей командирской машине по крутому склону к Маасу не было никакой надежды, и мы со Шреплером пошли на дно долины через лес пешком. 6-й стрелковый полк собирался форсировать реку на резиновых лодках, но едва держался под артиллерийским и чрезвычайно неприятным стрелковым огнем французских войск, расположившихся среди скал на западном берегу.

Когда я пришел, ситуация была не слишком приятной. Французы фланговым огнем уничтожали наши лодки одну за другой, и в конце концов переправа встала. Вражеская пехота так хорошо замаскировалась, что ее невозможно было обнаружить даже после долгого поиска в бинокль. Снова и снова они направляли свой огонь в район, где находились я и мои товарищи – командиры стрелковой бригады и саперного батальона. Дымовая завеса в долине Мааса не позволила бы причинить большой вред этой пехоте. Но у нас не было дымовой установки. Поэтому я приказал поджечь несколько домов в долине, чтобы затруднить противнику видимость.

С каждой минутой вражеский огонь становился все неприятнее. Сверху по реке к нам плыла поврежденная резиновая лодка, за которую цеплялся тяжелораненый, кричавший и звавший на помощь – бедняга тонул. Но помочь ему было некому, слишком силен был вражеский огонь.

Тем временем 7-м мотоциклетным батальоном была взята деревня Гранж [в 19 километрах к западу от У (и Мааса) и в 5 километрах к северо-западу от Динана] на западном берегу, но берег реки с должной тщательностью зачищен не был. Поэтому я отдал приказ зачистить от врага скалы на западном берегу.

Вместе с капитаном Шреплером я на танке Т-IV поехал по дороге на юг в долину Мааса посмотреть, как идут дела в 7-м стрелковом полку. По пути мы несколько раз попали под обстрел с западного берега, и Шреплера несколькими осколками ранило в руку. Одиночные французские пехотинцы сдались при нашем приближении.

К тому времени, как мы прибыли, 7-му стрелковому полку уже удалось переправить на западный берег роту, но огонь противника настолько усилился, что плавсредства разорвало на куски и переправу пришлось остановить. В доме рядом с разрушенным мостом оказывали медицинскую помощь большому количеству раненых. Как и на северной переправе, мешающего переправе противника видно не было. Поскольку без мощной артиллерийской и танковой поддержки для борьбы с вражескими огневыми точками никакой надежды переправить людей в этом месте не было, я поехал обратно в штаб дивизии, где встретился с командующим армией генерал-полковником фон Клюге и командующим корпусом генералом Готом.

Обсудив ситуацию с майором Хайдкемпером и приняв необходимые меры, я поехал обратно вдоль Мааса в Леффе [*деревня на окраине Динана*], чтобы организовать переправу там. Я уже отдал приказ нескольким танкам Т-III и Т-IV и артиллерийской батарее находиться в моем распоряжении на переправе. Мы на время оставили машину связи примерно в 450 метрах к востоку от реки и пошли пешком через заброшенные фермы к Маасу. На улице в Леффе мы нашли брошенные нашими солдатами резиновые лодки, все в большей или меньшей степени поврежденные вражеским огнем. В конце концов, попав по пути под бомбежку нашими самолетами, мы подошли к реке.

У плотины Леффе мы бросили быстрый взгляд на пешеходный мост, который противник перегородил стальной пластиной с шипами. Стрельба в долине Мааса прекратилась, мы

свернули вправо и, миновав несколько домов, вышли к самой переправе. Переправа полностью остановилась, офицеры были сильно потрясены понесенными их людьми потерями. На противоположном берегу мы увидели несколько человек из уже переправившейся роты, среди них было много раненых.

Офицеры сообщили, что никто не осмелился выйти из укрытия, потому что противник сразу открывал огонь по всем, кого замечал.

Несколько наших танков и тяжелых орудий стояли на насыпи к востоку от домов, но, по-видимому, уже расстреляли почти весь боекомплект. Тем не менее вскоре прибыли танки, которым я приказал подъехать к переправе, а за ними две полевые гаубицы из дивизиона Гра-земана⁴.

Теперь были обстреляны все огневые точки на западном берегу, которые могли удерживать вражеские стрелки, и вскоре прицельный огонь всех орудий обрушился в скалы и дома. Лейтенант Ханке⁵ несколькими выстрелами поразил дот на аппарели моста. Танки с повернутыми влево башнями медленно двигались на север на дистанции 45 метров вдоль долины Мааса, внимательно следя за склонами противоположного берега.

Под прикрытием этого огня медленно возобновилась лодочная переправа и была запущена канатная переправа с использованием нескольких больших понтонов. Взад и вперед сновали резиновые лодки, доставляя с западного берега раненых. Один солдат, выпавший по пути из лодки, схватился за паромный канат, и его утянуло под воду. Его спас рядовой Хайденрайх, нырнувший и вытащивший его на берег.

Я принял личное командование батальоном 7-го стрелкового полка и какое-то время сам руководил переправой.

С лейтенантом Мостом я на одной из первых лодок форсировал Маас и сразу же присоединился к роте, переправившейся с раннего утра. С командного пункта роты мы видели, что роты Энкефорта и Лихтера быстро шли вперед.

Потом я по глубокому оврагу пошел на север к роте Энкефорта. Когда мы пришли, раздался крик: «Впереди танки противника!» Противотанковых средств у роты не было, и потому я приказал как можно скорее открыть огонь по танкам из стрелкового оружия, после чего мы увидели, как танки отступили в ложину примерно в девятистах метрах к северо-западу от Леффе. Множество отставших французов прошли через кусты и медленно сложили оружие.

Другие донесения показывают, что вмешательство Роммеля было еще значимее и решительнее, чем пишет он сам. Немецкие войска были сильно потрясены интенсивностью огня оборонявшихся, когда он прибыл на место переправы и организовал новую атаку, командование которой взял на себя. К счастью для него, французская 11-я пехотная дивизия, которой была поручена оборона Динана, только что заняла позицию после продолжительного пешего марша, и ей не хватало противотанковых орудий, а 1-я кавалерийская дивизия так и не оправилась от тяжелых потерь, нанесенных прорывом немецких танков в Арденнах. Таким образом, смелая атака смогла взломать оборону, как только удалось захватить достаточно обширный для маневрирования плацдарм на западном берегу.

Теперь мы с Мостом снова спустились к Маасу, и меня переправили обратно на другой берег, откуда я в сопровождении танка на машине связи поехал на север к переправе 6-го стрелкового полка. Тем временем здесь переправа на резиновых лодках возобновилась и

⁴ В немецкой армии части и соединения часто назывались по фамилиям их командиров.

⁵ Ханке был видным членом нацистской партии и сотрудником геббельсовского министерства пропаганды. Похоже, он был очень непопулярен среди офицеров из-за своего самодурства, и Роммель окончательно убрал его из штаба после инцидента в офицерской столовой, когда тот возомнил, что у него есть полномочия отстранить от командования самого Роммеля. Впоследствии Роммель сделал длинный доклад адъютанту Гитлера. Позже во время войны Ханке стал гаулейтером Силезии и прославился своей обороной Бреслау [Вроцлава] до последней капли крови, оставив население на растерзание советским войскам. С тех пор о нем ничего не слышно. (Примеч. Манфреда Роммеля.)

шла полным ходом. Командир противотанкового дивизиона полковник Микль сказал мне, что у него на западном берегу уже двадцать противотанковых орудий. Рота саперного батальона усердно занималась сборкой 8-тонных понтонов, но я их остановил и приказал строить 16-тонные. Я стремился как можно быстрее переправить часть танкового полка. Как только первый понтон был готов, я переправил свою восьмиколесную машину связи. Тем временем противник начал мощную атаку, и был слышен его танковый огонь, приближающийся к берегу Мааса. Вокруг переправы падали вражеские тяжелые снаряды.

По прибытии в штаб бригады на западном берегу я обнаружил, что ситуация сложилась явно нездоровая. Командир 7-го мотоциклетного батальона ранен, его адъютант убит, а мощная контратака французов сильно потрепала наши войска в Гранже. Возникла опасность прорыва вражеских танков в саму долину Мааса.

Оставив свою машину связи на западном берегу, я снова переправился через реку и отдал приказ о ночной переправе сначала танковой роты, а затем и танкового полка. Однако переправлять танки ночью через реку стометровой ширины – дело небыстрое, и к утру на западном берегу оказалось всего 15 танков – тревожно малое количество.

На рассвете [14 мая] мы услышали, что полковник фон Бисмарк продолжил атаку, чтобы подойти к Оне [в 5 километрах к западу от Динана], где он теперь вступил в бой с превосходящими силами противника. Вскоре после этого пришла радиogramма о том, что его полк окружен, и поэтому я решил со всеми имеющимися танками немедленно отправиться ему на помощь.

Около 09:00 25-й танковый полк под командованием полковника Ротенбурга двинулся вдоль долины Мааса с 30 танками, которые к тому времени переправили на западный берег, и, не встречая сопротивления, проник в лощину в 450 метрах северо-восточнее Оне. Выяснилось, что фон Бисмарк на самом деле передал по радиации «подошел», а не «окружен»⁶ и что теперь он собирался послать штурмовую роту в обход Оне с севера, чтобы захватить западный выезд из деревни. Этот ход, как показали учения, проведенные ранее в Годесберге, имел огромное значение для следующих этапов операции. Соответственно, для этой цели под командованием фон Бисмарка передали пять танков – не для проведения танковой атаки в обычном смысле, а для обеспечения мобильного прикрытия атаки пехоты на дефиле к западу от Оне. Я лично намеревался дислоцировать танковый полк в лесу метрах в девятистах севернее Оне, а потом подвести все остальные части к этому месту, откуда их в зависимости от развития ситуации можно было бы задействовать в северном, северо-западном или западном направлении.

Я приказал Ротенбургу с обеих сторон обойти лес в этом районе сосредоточения войск, а сам сел в танк Т-III, который должен был следовать сразу за ним.

Теперь Ротенбург через лощину слева выехал с пятью танками, которые должны были прикрывать пехоту, выдвинув эти танки вперед на 130 метров. Огня противника не было слышно. За ними следовали от 20 до 30 танков. Когда командир пяти танков достиг стрелковой роты на южной опушке леса Оне, полковник Ротенбург двинулся со своими передовыми танками вдоль опушки леса на запад. Мы только что подошли к юго-западному углу леса и уже пересекали невысокие зеленые насаждения, откуда видели слева спереди под нами пять прикрывающих пехоту танков, как вдруг мы попали под обстрел тяжелой артиллерии и противотанковых орудий с западной стороны. Вокруг нас рвались снаряды, и мой танк получил одно за другим два попадания, первое в верхнюю кромку башни, второе в перископ.

Водитель быстро газанул и въехал прямо в ближайшие кусты. Однако он прошел всего несколько метров, и танк соскользнул с крутого склона на западной опушке леса и в конце концов остановился, накренившись на бок, в таком положении, что противник, чьи орудия находились на позиции примерно в 450 метрах на опушке соседнего леса, не мог его не заме-

⁶ «Eingetroffen» вместо «eingeschlossen». (Примеч. пер.)

тить. Небольшим осколком снаряда, попавшим в перископ, меня ранило в правую щеку. Рана была несерьезная, хотя и сильно кровоточила.

Я попытался развернуть башню, чтобы навести нашу 37-миллиметровую пушку на противника в лесу напротив, но из-за сильного наклона танка башня не двигалась.

Теперь французская батарея открыла по нашему лесу беглый огонь, и мы в любой момент могли ожидать, что их огонь будет направлен на наш танк, бывший у них как на ладони. Поэтому я решил выбираться из него как можно быстрее, вместе с экипажем. В этот момент младший командир сопровождавших пехоту танков сообщил, что тяжело ранен: «Господин генерал, мне отстрелили левую руку». Прямо перед нами ехал танк Ротенбурга с вырывающимся сзади пламенем. Адьютант танкового полка тоже оставил свой танк. Я сначала подумал, что командирский танк загорелся от попадания в бензобак, и очень опасался за безопасность полковника Ротенбурга. Однако это оказались всего лишь загоревшиеся дымовые шашки, дым от которых теперь сослужил нам хорошую службу. Тем временем лейтенант Мост загнал мою бронемашину связи в лес, где она получила попадание в двигатель и теперь стояла неподвижно. Экипаж не пострадал.

Я отдал приказ танкам двигаться через лес в общем восточном направлении, что, конечно, не могли сделать бронемашины, находившиеся в моем распоряжении. Командирский танк Ротенбурга медленно продирался сквозь деревья, в основном высокие и хорошо сросшиеся. Лишь поставленная этим танком непреднамеренная дымовая завеса больше не позволила противнику подбить наши машины. Если бы во время наступления танки обстреляли предположительно удерживаемый противником лес огнем из пулеметов и 37-миллиметровых артиллерийских орудий, французы, скорее всего, немедленно бросили свои орудия, стоявшие на открытых позициях у опушки леса, и наши потери почти наверняка были бы меньше. Вечерняя атака, предпринятая 25-м танковым полком, увенчалась успехом, и мы смогли занять район сосредоточения.

Твердое боевое управление к западу от Мааса и гибкость при изменении обстановки были возможны только благодаря тому факту, что командир дивизии со своим отрядом связи оставался в движении и мог отдавать приказы командирам полков прямо на переднем крае. Одна лишь беспроводная связь – из-за необходимости шифрования – потребовала бы слишком много времени, чтобы сначала передать донесения о ситуации в дивизию, а потом дивизии отдать приказы. Поддерживалась непрерывная радиосвязь с оперативным отделом штаба дивизии, который оставался в тылу, а каждое утро и каждый день между командиром дивизии и командиром оперативного отдела штаба происходил подробный обмен мнениями. Этот метод командования оказался чрезвычайно эффективным.

Своим наступлением в тот день Роммель создал брешь, имевшую важные последствия, в частности, по влиянию на сознание генерала Корана, командующего 9-й французской армией.

13-го числа форсировали Маас, Роммель был первым, во второй половине дня передовые части танкового корпуса Рейнгардта переправились у Монтерме, а Гудериана – у Седана. Но Рейнгардт захватил лишь узкий плацдарм и отчаянно бился за его сохранение. До утра 15 мая им удалось построить мост, по которому могли переправиться его танки, а выход из Монтерме проходил через крутое ущелье, которое было легко заблокировать. Войска Гудериана действовали успешнее, но только одна из трех его дивизий захватила достаточно обширный плацдарм, а на рассвете 14-го был построен только один мост. Мост удалось сохранить, хотя он неоднократно подвергался налетам авиации союзников. В этот второй, решающий день войска Гудериана не получили практически никакой поддержки люфтваффе, однако его зенитчики открыли такой смертоносный огонь, что сбили около 10 французских и британских самолетов и эффективно распылили бомбардировщики. К полудню все три дивизии Гудериана переправились через реку. Сдерживая контратаки с юга, он повернул на запад, к стыку

2-й и 9-й французских армий, которые начали рассыпаться под его ожесточенным и искусно управляемым давлением.

Той ночью командующий 9-й французской армией принял роковое решение под двойным воздействием растущей угрозы Гудериана его правому флангу и прорыва Роммеля в центре его фронта – в невероятных донесениях разведки сообщалось, что через брешь прорвались тысячи танков. Был отдан приказ об оставлении Мааса и общем отходе 9-й армии к укрепрайону западнее.

На фронте Роммеля этот предполагаемый укрепрайон проходил вдоль железной дороги к востоку от Филиппвиля и в непосредственной близости от Мааса. На следующее утро, 4-го числа, Роммель проник в него раньше французов, и под его мощной угрозой отход быстро перерос в расплзающийся повсеместно коллапс. Его новый удар также предотвратил запланированную контратаку на Динан со стороны 1-й французской бронетанковой дивизии и 4-й североафриканской дивизии, которые только что прибыли на фронт. Первая появилась на правом фланге Роммеля, но в этот решающий момент у него кончилось топливо, и в бой пошла лишь небольшая часть ее танков. Наступление Роммеля пронеслось мимо ее фронта, пока она стояла в укрепрайоне, и впоследствии многие из ее танков захватили, прежде чем те смогли уйти. Тем временем Североафриканская дивизия была дезорганизована натиском танков и потоком отступающих.

Хуже того, приказ Корана об общем отходе разблокировал ущелье в Монтерме, где правое крыло 9-й армии до сих пор сдерживало танковый корпус Рейнгардта. Как только здесь начался отход, он быстро превратился в безнадежно запутанное отступление, и авангард Рейнгардта смог обойти правый фланг 9-й армии – в тыл войскам, противостоящим Гудериану, – а затем продвинуться на много километров на запад по открытой местности. К тому же вечеру Гудериан преодолел последний стоявший перед ним укрепрайон и вырывался на оперативный простор. Теперь брешь на французском фронте была шириной сто километров.

Значение рассказа Роммеля об ударе 11 мая становится еще яснее, если рассматривать его на более широком фоне событий того решающего дня.

Мой план на 15 мая состоял в том, чтобы одним махом прорваться к нашей цели, во главе с 25-м танковым полком и при поддержке артиллерии и, если возможно, пикирующей бомбардировочной авиации. Танковую атаку должна была поддержать пехота, отчасти в пешем строю, частью на грузовиках. Существенным, на мой взгляд, было то, чтобы артиллерия прикрывала оба фланга атаки, поскольку соседние наши дивизии все еще находились далеко позади нас. Проложенный на карте маршрут 25-го танкового полка вел к окраинам Филиппвиля [в 30 километрах к западу от Динана] в обход всех деревень и к нашей цели – району у Серфонтена [в 13 километрах к западу от Филиппвиля]. Я намеревался выступить с 25-м танковым полком, чтобы в решающий момент направить атаку вперед и ввести артиллерию и пикирующие бомбардировщики. Для того чтобы упростить беспроводную связь – часто пересылаемые по ней очень важные сообщения приходили с опозданием из-за необходимости шифрования, – я согласовал «направление удара» с начальником оперативного отдела штаба дивизии и артиллерией. Начальной точкой для этого направления была взята церковь Розе, а конечной точкой – церковь Фрушапель. Все офицеры отметили отрезок на своих картах. Теперь, если я хотел направить артиллерийский огонь, например, по Филиппвилю, я просто говорил по радию: «Тяжелая артиллерия немедленно стреляет залпом в одиннадцатый квадрат». Командующий артиллерией был в восторге от новой системы.

Около 09:00 я встретил майора люфтваффе, который сообщил, что в тот же день для моей дивизии могут быть выделены пикирующие бомбардировщики. Поскольку танковая колонна уже тронулась, я немедленно вызвал их, чтобы они вступили в бой перед атакой. Затем я пере-

шел к танку Ротенбурга и дал указание моему мобильному полевому штабу⁷ следить за танковой атакой, передвигаясь на броневике и машине связи от укрытия до укрытия.

После непродолжительного боя с вражескими танками у Флавьона танковый полк двинулся колонной через лес к Филиппвилю, обходя по пути многочисленные орудия и автомашины французской части, бойцы которой при приближении наших танков бросились в лес, скорее всего уже понеся большие потери от наших пикирующих бомбардировщиков. Огромные воронки заставили нас сделать несколько крюков через лес. Примерно в 3 милях к северо-западу от Филиппвиля произошла короткая перестрелка с французскими войсками, занимавшими холмы и леса к югу от Филиппвиля. Наши танки вели бой на ходу, повернув башни влево, и вскоре им удалось заставить врага замолчать. Время от времени мы подбивали вражеские противотанковые орудия, танки и бронемашину. Также огонь велся по лесу на наших флангах, когда мы проезжали мимо. Штаб и артиллерию скрупулезно информировали о ходе атаки короткими нешифрованными радиосообщениями, в результате чего артиллерийская завеса функционировала отлично. Вскоре цель дня была достигнута.

С одной из танковых рот Ротенбурга, переданной под мое командование, я поехал назад по следам наступления, чтобы установить контакт с пехотой в тылу. На возвышенности в 900 метрах к западу от Филиппвиля мы обнаружили два наших танка, вышедшие из строя из-за механической неисправности. Их экипажи принялись собирать пленных, и несколько человек, уже подошедших, стояли вокруг. Из кустов выходили сотни французских мотоциклистов и вместе со своими офицерами медленно складывали оружие. Другие попытались быстро уйти по дороге на юг.

Я ненадолго занялся пленными. Среди них было несколько офицеров, попросивших у меня, среди прочего, разрешения оставить им денщиков и забрать свои вещевые мешки из Филиппвиля, где они их оставили. В моих интересах было, чтобы гарнизон Филиппвиля сдался быстро и без боя, поэтому я удовлетворил требования.

Моя танковая рота поддержки пехоты двинулась в Нувиль [*5 километра к югу от Филиппвиля*] с целью отрезать путь отступления французов из Филиппвиля на юг. Прибыв с Мостом в роту, я обнаружил, что она ведет бой под Нувилем, причем бой движется на юг и грозит перерасти в погоню. У меня не было намерения продвигаться дальше на юг, и поэтому я приказал прекратить бой, а роте двигаться на восток от Нувиль. Примерно в 400 метрах к югу от Вокеди мы наткнулись на часть танковой роты Хюттемана, которая к нам присоединилась. На южной окраине Вокеди у нас был короткий бой со значительными силами французских танков, который вскоре решился в нашу пользу. Французы прекратили огонь, и наши одного за другим вытащили их из танков. К нам в руки попало около пятнадцати французских танков, некоторые из них были повреждены, другие совершенно целые. Поскольку оставить охрану было невозможно, неповрежденные танки мы взяли в свою колонну, да еще и с французскими водителями. Примерно через четверть часа мы достигли главной дороги Динан – Филиппвиль, где я встретил авангард бригады Рилле, под началом 8-го пулеметного батальона следивший за танковой атакой. Я взял в свой броневик нескольких офицеров, и вся колонна вслед за мной на большой скорости поехала по пыльной дороге через северную окраину Филиппвиля. [*Роммель развернулся и снова направился на запад.*]

В пути я описал обстановку командирам и проинструктировал их по новым задачам. При той скорости, с которой мы ехали (в среднем около 60 километров в час), облако пыли позади нас было огромным. Недалеко от Сензея [*в 6 километрах к западу от Филиппвиля*] мы встретили отряд французских мотоциклистов при полном вооружении, двигавшихся в противопо-

⁷ Во время своих кампаний Роммель употребляет слово Gefechts-staffel, называя им маленькую штабную группу, состоящую из связистов и небольшой боевой группы вместе с соответствующими транспортными средствами (включая грузовик с радиостанцией), которые всегда сопровождали его в бою.

ложном направлении, и подбирали их по мере прохождения колонны. Большинство из них были настолько потрясены, внезапно оказавшись в немецкой колонне, что загнали машины в кювет и были не в состоянии дать бой. Не медля, мы на большой скорости поехали к холмам западнее Серфонтена, где стоял Ротенбург с передовыми частями танкового полка. По прибытии колонна была максимально быстро и без промедлений развернута на окружающей местности. Оглянувшись на восток с вершины холма после наступления ночи, можно было увидеть бесконечные столбы пыли, поднимающиеся настолько далеко, насколько доставал взгляд, — утешительные признаки того, что 7-я танковая дивизия начала продвижение на завоеванную территорию.

Тот факт, что во второй половине дня противнику удалось вклиниться между танковым полком и стрелковой бригадой, был связан исключительно с задержкой движения последней. Офицеры танковой дивизии должны научиться мыслить и действовать самостоятельно в рамках генерального плана и не ждать, пока они получают приказы. Все подразделения и время начала атаки были известны, и к этому моменту они должны были произвести сосредоточение.

На следующий день, 16 мая 1940 года, я получил приказ из корпуса остаться в штабе дивизии. Причина была мне неизвестна, примерно в 09:30 я наконец получил разрешение корпуса двигаться вперед к новому штабу. Вскоре после моего прибытия дивизия получила приказ прорываться у Сиври через линию Мажино и в ту ночь к холмам вокруг Авена.

Это была не собственно линия Мажино, заканчивавшаяся около Лонгюйона, а ее позднейшее продолжение в западном направлении, где укрепления были гораздо слабее. Однако в немецких сводках часто не проводят различия между первоначальной линией и ее продолжением.

Корпуса Гудериана и Рейнгардта нанесли удар и прорвались через продолжение линии Мажино вскоре после форсирования Мааса и уже устремились дальше в западном направлении. Но корпусу Гота, форсировавшему Маас севернее, на бельгийской территории, все же пришлось пробиваться через нее в своем продвижении на юго-запад. Сиври находится в 19 километрах к западу от Серфонтена, а Авен — в 19 километрах от Сиври.

Я как раз обсуждал план нашего наступления на линию Мажино с моим начальником оперативного отдела, когда вошел командующий армией генерал-полковник фон Клюге. Он был удивлен, что моя дивизия еще не двинулась. Я описал ему наш план. План состоял в том, чтобы сначала выйти на границу у Сиври, одновременно разведывательный батальон проводит разведку на широком фронте линии Мажино, а артиллерийские массы выдвигаются на позиции вокруг Сиври. Затем танковый полк под мощным артиллерийским прикрытием в боевом порядке подходит к линии укреплений французов. Наконец, стрелковая бригада под прикрытием танков берет французские укрепления и снимает дорожные заграждения. Только после этого можно совершить прорыв к Авену на бронетехнике и следующей прямо за ней массой дивизии. Генерал фон Клюге полностью одобрил наш план.

Вскоре передовой батальон стремительно подошел к деревне Сиври, которая была взята без боя. Артиллерия и зенитная артиллерия вышли на позиции и получили указание немедленно открыть огонь по определенным районам по ту сторону границы, чтобы посмотреть, ответит ли противник. Тем временем 251-й танковый полк прибыл в Сиври и получил приказ перейти границу и занять Клерфеи *[в 5 километрах далее]*. Ни одна батарея противника не ответила на огонь нашей артиллерии по их укрепрайону.

Ехал, как и накануне, в полковом командирском танке. Вскоре мы пересекли французскую границу, а затем танки колонной медленно покатали в сторону Клерфеи, до которого теперь оставалось всего пара километров или около того. Когда от разведывательного отряда пришло донесение о том, что дорога через Клерфеи заминирована, мы повернули на юг и двинулись боевым порядком через поля и живые изгороди, обходя деревню полукругом. Со стороны противника не раздавалось ни звука, хотя наша артиллерия с перерывами вела огонь

вглубь его территории. Вскоре мы оказались среди фруктовых садов и высоких изгородей, что замедлило продвижение. Танк Ротенбурга был среди ведущих машин, а Ханке, мой адъютант, следовал за ним на Т-IV. Его приказ состоял в том, чтобы быстро открыть огонь по моему знаку и, таким образом, действовать как ведущее орудие для остальных. В боях предыдущих дней было совершенно очевидно, что часто проходило слишком много времени, прежде чем экипажи танков открывали огонь по появляющимся на короткое время целям.

Внезапно метрах в ста перед собой мы увидели угловатые очертания французского укрепления. Рядом с ним стояло несколько французских солдат при полном вооружении, которые, едва заметив танки, сразу же показали, что сдаются. Мы только подумали, что сможем взять деревню без боя, как один из наших танков открыл огонь по противнику в другом месте, в результате чего вражеский гарнизон быстро скрылся в бетонном доте. Через несколько мгновений передовые танки попали под сильный противотанковый огонь слева, а пулеметный огонь французы открыли по всему участку. У нас были потери, два наших танка были подбиты. Когда огонь противника снова стих, разведка установила наличие очень глубокого противотанкового рва вплотную к вражескому укреплению, по которому до сих пор огонь не открывали. В тылу врага были еще оборонительные сооружения, а дорога от Клерфеи к Авену была заблокирована высокими стальными ежами (противотанковыми заграждениями).

Тем временем части 25-го танкового полка вступили в бой с противником западнее и в 1800 метрах южнее Клерфеи, по моему приказу артиллерия также открыла шквальный огонь и подожгла различные участки линии Мажино. Французская артиллерия начала обстреливать Клерфею и Сиври. Вскоре прибыли мотоциклисты с саперным взводом 37-го танкового разведывательного батальона. Под прикрытием огня танков и артиллерии пехота и саперы продвинулись в зону укрепрайона. Саперный взвод начал подготовку к сносу стального ежа, преградившего дорогу нашему продвижению.

Тем временем штурмовой отряд саперов танковой роты взял бетонный дот. Бойцы подползли к амбразуре и бросили через бойницу трехкилограммовый подрывной заряд. Когда после неоднократных призывов сдаться сильный вражеский гарнизон так и не вышел, была предпринята новая атака. Затем один офицер и 35 солдат были взяты в плен, но вскоре после этого они одолели слабый штурмовой отряд и бежали под прикрытием французского пулеметного огня из другого дота.

Постепенно небо потемнело, и наступила ночь. В нескольких местах в Клерфеи и дальше на запад горели фермы. Я отдал приказ о немедленном проникновении в укрепленную полосу и прорыве, насколько это возможно, к Авену. Штаб и артиллерию быстро проинформировали по радио, и нам пришлось время залезть в командирский танк и трогаться. Заняв место сразу за передовой танковой ротой, мы вскоре покатали через разрушенный блокпост навстречу противнику.

Пока саперы 37-го разведывательного батальона уничтожали стальные ежи, разгорелись более ожесточенные бои с противотанковыми орудиями и несколькими полевыми орудиями, расположенными возле группы домов в 900 метрах к западу от Клерфеи. Артиллерия прямой наводкой была по нашим танкам и пехоте, стоявшим у Клерфеи. В конце концов вражеские орудия были подавлены несколькими выстрелами Т-IV.

Путь на запад был открыт. Вошла луна, и настоящей темноты нам пока ждать не приходилось. В плане я уже отдал приказ о прорыве, передовые танки и противотанковые орудия во время движения к Авену должны были вести беспокоящий огонь по дороге и ее обочинам, что, как я надеялся, помешает противнику заложить мины. Остальные части танкового полка должны были идти за ведущими танками и всегда быть готовыми открыть залповый огонь по любому флангу. Массе дивизии было приказано следовать за танковым полком на грузовиках.

Теперь танки катились длинной колонной через мелкие укрепления к первым подожженным артиллерийским огнем домам. В лунном свете мы могли видеть бойцов 7-го мотоцик-

летного батальона, которые шли пешком рядом с нами. Время от времени стрелял вражеский пулемет или противотанковое орудие, но ни один из их выстрелов не прошелся рядом с нами. Наша артиллерия вела сильный беспокоящий огонь по деревням и дороге далеко впереди полка. Постепенно скорость увеличивалась. Вскоре мы на 500 – 1000–2000 – 3000 метров углубились в укрепленный район. Ревели моторы, лязгали и скрежетали гусеницы танков. В оглушительном шуме не было слышно, стрелял ли противник. Примерно в полутора километрах к юго-западу от Соль-ле-Шато мы пересекли железную дорогу, а затем повернули на север, к главной дороге, до которой вскоре добрались. Потом двинулись по дороге и мимо первых домов.

Сон людей в домах грубо нарушил грохот наших танков, лязг и скрежет гусениц и моторов. Пехотинцы разбили биваки у дороги, военные машины стояли во дворах, а кое-где и на самой дороге. Французские гражданские и солдаты с искаженными ужасом лицами прятались во рвах, у живых изгородей и во всех лощинах вдоль дороги. Мы прошли мимо колонны беженцев, повозок, брошенных хозяевами, которые в панике бежали в поля. Мы с постоянной скоростью шли к своей цели. Время от времени быстрый взгляд на карту при тусклом свете и короткая радиограмма в штаб дивизии, чтобы сообщить о позиции и, таким образом, об успехе 25-го танкового полка. Время от времени я выглядывал из люка, чтобы убедиться, что сопротивления все еще нет и поддерживается контакт с тылом. Вокруг нас в холодном свете луны раскинулась равнина. Мы прошли линию Мажино! Это было трудно представить. Двадцать два года тому назад мы четыре с половиной долгих года стояли перед тем же противником и одерживали победу за победой и все-таки проиграли войну. И вот мы прорвали знаменитую линию Мажино и продвинулись вглубь вражеской территории. Это был не просто красивый сон. Это была реальность.

Внезапно на кургане примерно в 270 метрах справа от дороги полыхнула вспышка. В том, что это было, не могло быть никаких сомнений: хорошо замаскированное в бетонном доте вражеское орудие вело огонь по 25-му танковому полку с фланга. В других местах полыхнули новые вспышки. Разрывов снарядов видно не было. Быстро сообщив об опасности Ротенбургу – он стоял рядом со мной, – я через него приказал полку увеличить скорость и прорвать эту вторую линию укреплений залпами справа и слева.

Огонь был открыт быстро, экипажи танков обучили, как вести огонь перед атакой. Боеприпасы у нас были в основном трассирующими, и полк прорвался через новую линию обороны, обрушивая огненный дождь далеко вглубь сельской местности по обеим сторонам. Вскоре мы без серьезных потерь миновали опасную зону. Но теперь было нелегко прекратить огонь, и мы проехали через деревни Сар-Потри и Бёньи, стреляя из пушек. Замешательство противника было полным. Военные машины, танки, артиллерия и телеги с беженцами, доверху набитые пожитками, блокировали часть дороги, и их приходилось бесцеремонно сталкивать в сторону. Повсюду на земле лежали французские солдаты, а фермы везде были под завязку забиты орудиями, танками и другой военной техникой. Продвижение к Авену замедлилось. Наконец нам удалось прекратить стрельбу. Мы подошли к Семузи. Везде одна и та же картина: войска и мирные жители опрометью бегут по обеим сторонам дороги. Вскоре дорога разветвилась: одна шла прямо к Мобёжу, до которого теперь оставалось всего около полутора километров, а другая спускалась вниз, в долину, к Авену. Дорога теперь была забита телегами и людьми, которые съезжали на обочину от танков, или нам самим приходилось спускать их на обочину. Чем ближе мы подходили к Авену, тем сильнее становился затор из машин, через который нам приходилось пробиваться. В самом Арене, незадолго перед этим обстрелянном нашей артиллерией, все население пришло в движение, зажатое между машинами и орудиями по обе стороны дороги перед нашей идущей вперед танковой колонной. Было очевидно, что в городе сильный французский гарнизон.

Я не стал останавливать колонну, а направился с передовым батальоном танков на возвышенность западнее Авена, где намеревался остановиться и собрать пленных и захваченное снаряжение. По пути на южной окраине Авена была выделена разведывательная группа из двух танков и отправлена по главной дороге на юг. Примерно в 500 метрах от города по дороге на Ландреси мы сделали привал, выстроили наши части для наступления и окружили находившиеся в непосредственной близости французские войска. И здесь придорожные подворья и сады были битком набиты солдатами и телегами беженцев. Все движение по дороге с запада остановилось и застопорилось. Вскоре в поле пришлось построить лагерь для военнопленных.

Тем временем позади нас в Авене началась стрельба – судя по звуку, из танковых орудий, – и вскоре мы увидели поднимающееся пламя, вероятно от горящих танков или грузовиков. Связь с танковым батальоном позади нас и с 7-м мотоциклетным батальоном мы потеряли.

Пока это не вызывало у меня беспокойства, поскольку в хаосе бесхозных повозок с беженцами слишком легко образовывался затор. Главное – мы достигли цели. Однако противник в Авене – а там должен был находиться как минимум танковый батальон – хорошо воспользовался разрывом в танковом полку, и вскоре французские тяжелые танки перекрыли дорогу через город. 2-й батальон 25-го танкового полка сразу попытался сбить блокировавшего дорогу противника, но его попытка не удалась, было потеряно несколько танков. Бои в Авене становились все напряженнее. Между 2-м батальоном и нами установилась прерывистая радиосвязь. Бой в Авене продолжался примерно до 04:00 [14 мая]. Наконец Ханке, по моему приказу наступавший с запада против мощных танков противника, сумел с помощью T-IV нейтрализовать французские танки. Медленно рассветало, бой закончился, и связь со 2-м батальоном восстановилась.

Тем временем я неоднократно через штаб дивизии посылал в корпус радиogramмы с вопросом, не продолжать ли нам, учитывая наш успешный прорыв линии Мажино, наступление через Самбру. Не получив ответа – радиосвязь отсутствовала, – я решил продолжить атаку на рассвете с целью захватить переправу через Самбру у Ландреси и удерживать ее. Я отдал по радио приказ всем остальным подразделениям следовать за продвижением танкового полка к Ландреси [в 18 километрах западнее Авена].

Около 04:00 я с передовым батальоном танкового полка Ротенбурга двинулся в сторону Ландреси. Уже сосредоточивший рассеянные силы 7-й мотоциклетный батальон следовал сзади, и я был твердо уверен, что за ним и оставшиеся части дивизии снова примут участие в наступлении. Отказ радио оставил меня в неведении относительно точного положения полков, и мы передавали все приказы просто в никуда.

Поскольку за ночь никаких припасов не поступило, нам пришлось экономить боеприпасы и двинуться на запад сквозь занимающийся день с молчащими пушками. Вскоре мы стали встречать колонны беженцев и отряды французских войск, готовившихся к походу. Хаос орудий, танков и всевозможных боевых машин, неразрывно спутанных с запряженными лошадьми телегами беженцев, покрывал дорогу и обочины. Держа свои орудия молчащими и время от времени лавируя нашими машинами высокой проходимости вдоль дороги, нам удалось без больших трудностей миновать колонну. Французские войска были полностью застигнуты врасплох нашим внезапным появлением, сложили оружие и двинулись на восток рядом с нашей колонной. Нигде не предпринималось никаких попыток сопротивления. Любые вражеские танки, которые мы встретили на дороге, выводились из строя, когда мы проезжали мимо. Продвижение шло без остановки на запад. Сотни сотен французских войск со своими офицерами сдались по прибытии. В какой-то момент их пришлось вытащить из транспортных средств, ехавших рядом с нами.

Особенно разозлился из-за этого внезапного беспорядка французский подполковник, которого мы догнали застрявшим на машине в безнадежной пробке. Я спросил у него звание и должность. Его глаза горели ненавистью и бессильной яростью, и он производил впечатление

совершенно фанатичного типа. Поскольку при таком плотном движении на дороге была большая вероятность, что наша колонна время от времени будет распадаться, я, подумав, решил взять его с собой. Он был уже в сорока пяти метрах позади, когда его привели обратно к полковнику Ротенбургу, который жестом приказал ему сесть в свой танк. Но он наотрез отказался ехать с нами, поэтому, после троекратно сделанного ему предложения присоединиться, ничего не оставалось, как его расстрелять.

Мы проехали через деревню Маруаль [*в 13 километрах к западу от Авена*], где улица была настолько переполнена людьми, что людям было нелегко повиноваться приказам: «*A droit!*» [*Направо*]. Мы ехали с восходящим за спиной солнцем сквозь тонкий утренний туман на запад. Теперь дорога была забита войсками и беженцами за околицами деревень. Наши крики «*A droit!*» не возымели действия, и продвижение крайне замедлилось, танки ехали по полям вдоль дороги. Наконец мы пришли в Ландреси, город на реке Самбре, где опять на каждой улице и в каждом переулке было огромное скопление машин и французских войск, но сопротивления не было. Мы проехали мост через Самбру, по другую сторону которого обнаружили французские казармы, полные солдат. Когда танковая колонна с грохотом пронеслась мимо, Ханке въехал во двор и приказал французским офицерам выстроить солдат и маршировать в тюрьму.

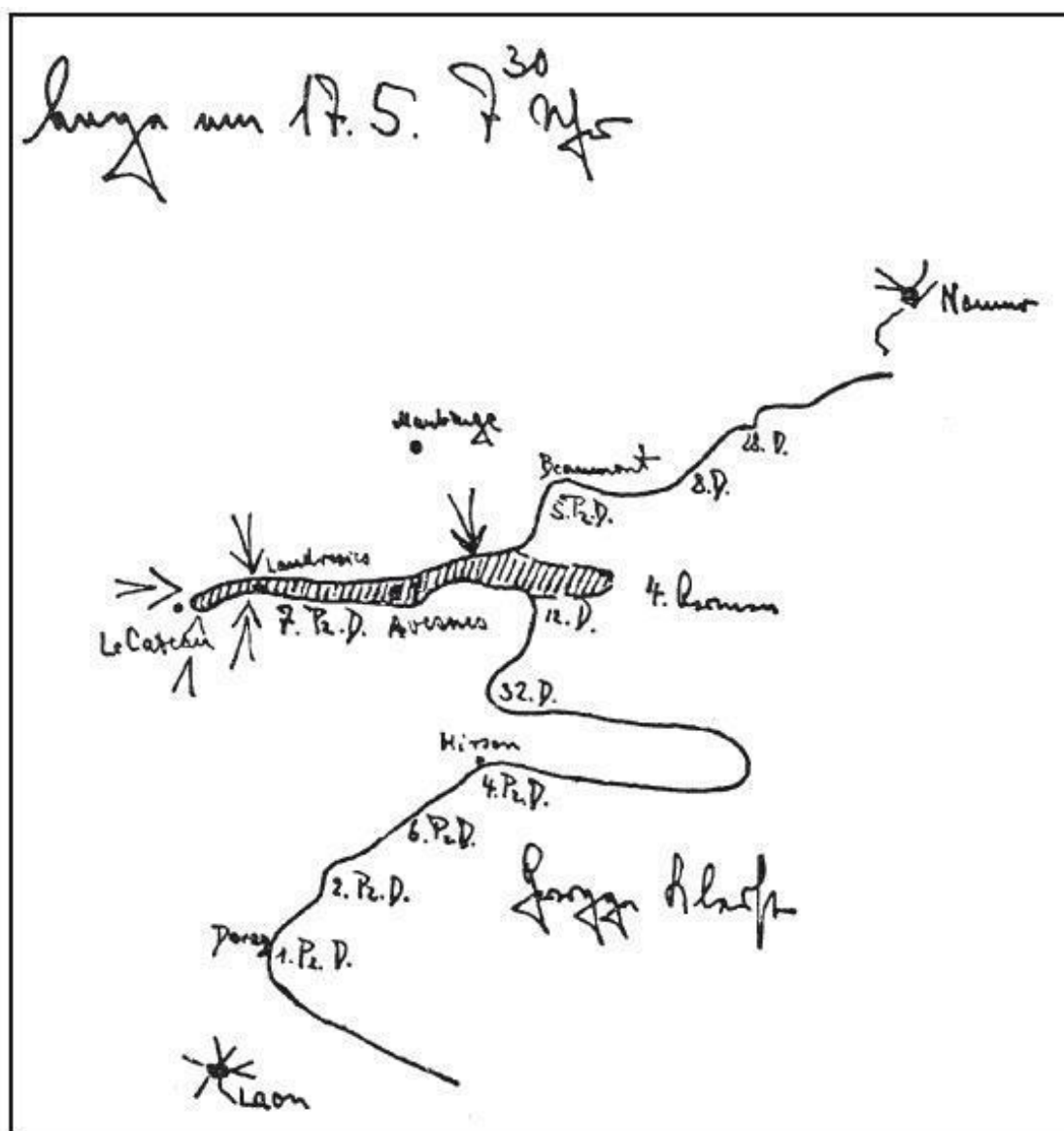
Все еще полагая, что вся дивизия быстро приближается к Ландреси позади нас, я продолжил наступление на Ле-Като [*в нескольких километрах к западу от Ландреси*]. Мы проехали большой лес, который противник использовал как склад боеприпасов. На фоне восходящего солнца часовые не смогли нас опознать, пока мы не оказались прямо над ними. После этого они сдались. В деревне Помрэй французские войска тоже сложили оружие. Я продолжал наступление до холма восточнее Ле-Като, где мы наконец остановились. Было 6 часов 15 минут утра. Моей первой задачей было убедиться, что связь с тылом еще существует, после чего я хотел предпринять еще одну попытку связаться со штабом дивизии.

Дивизия Роммеля продвинулась почти на 80 километров с прошлого утра. То, как он ехал со своими танками ночью, было смелым поступком. В то время и позже большинство командиров считало, что даже при развитии победы продолжение танкового наступления в темноте слишком опасно.

Слева от Роммеля передовые части Рейнгартта и танковый корпус Гудериана шли с ним вровень. Рано утром дивизия левого фланга Гудериана подошла к Уазе у Рибемона, в нескольких километрах к югу от Ле-Като.

Это была широкая полоса, прорезанная узкими потоками, несшимися на запад, к морю, через тыл союзных войск в Бельгии. Все попытки их заблокировать оказались слишком запоздалыми, поскольку каждый раз, когда французское командование выбирало новую линию обороны, немецкие танки опрокидывали ее до того, как прибывали более медленные французские резервы, или до того, как они занимали позиции.

Нашей дивизии настало время оккупировать захваченную территорию и собрать огромное количество пленных – примерно две механизированные дивизии. Я постоянно информировал штаб дивизии о нашем продвижении, но все сообщения передавались вслепую с командирского танка танкового полка, и невозможно было сказать, принимали их или нет. Тем не менее я не очень обрадовался, когда вскоре после этого узнал, что лишь небольшая часть танкового полка и часть мотоциклетного батальона дошли до холма восточнее Ле-Като. Офицера немедленно отправили в тыл. Затем я попытался отъехать назад, чтобы установить контакт, но вскоре попал под огонь противотанковых орудий из Ле-Като и был вынужден вернуться.

3. Наступление Роммеля, 16–17 мая 1940 года

Нарисованная Роммелем карта, показывающая его продвижение за 24 часа до 7:30 утра 17 мая – по отношению к соседним дивизиям и танковой группе фон Клейста. Эта карта показывает необычайную глубину, дальновидность и дерзость его удара – от Серфонтена до Ле-Като

Тем временем Ротенбург с частью танкового батальона Зиккениуса вел бой с французскими танками и противотанковыми орудиями на холме Ле-Като, но вскоре уничтожил их. Я вернулся в танковый батальон, который тем временем сформировал круговую оборону, и ждал там до прибытия части мотоциклетного батальона под командованием капитана фон Хагена. Теперь я чувствовал, что положение перед Ле-Като в безопасности, и, все еще полагая, что остальная часть дивизии почти сомкнулась, приказал Ротенбургу удерживать свои позиции с помощью мотоциклетного батальона, который находился под командованием. Затем я отправился обратно на своей машине связи в сопровождении Т-III, чтобы подтянуть и развернуть остальную часть дивизии. По пути мы наткнулись на несколько застрявших машин мотоциклетного батальона и танкового полка, чьи экипажи сказали нам, что в Ландреси следует проявлять осторожность, так как несколько наших машин были обстреляны там вражескими танками. Затем я на большой скорости поехал [на восток] в Ландреси, где танк Т-III, который шел

впереди, заблудился в городе. Когда мы наконец выехали на дорогу в Авен, то увидели стоявшую на дороге в сотне метров впереди немецкую машину, обстрелянную вражескими орудиями. Должно быть, где-то рядом находился французский танк или противотанковое орудие, но у нас не было времени на долгую болтовню и тому подобное! Когда мы проезжали мимо, раненые мотоциклисты отчаянно кричали нам, чтобы мы взяли их с собой. К сожалению, я не мог им помочь – слишком многое было поставлено на карту. Обе машины на максимальной скорости пересекли опасную зону и выехали на дорогу в Маруаль. Затем Т-III сопровождения встал в результате механической неисправности.

Теперь машины стояли, куда ни глянь, повсюду и поперек дороги. Вдоль дороги толпились французские офицеры и солдаты рядом со своим оружием. Но они, видимо, еще не оправились от испуга перед немецкими танками, и поэтому мы, насколько это возможно, криками и знаками из едущей машины велели им двигаться. Немецких войск не было видно. Мы на максимальной скорости поехали через Маруаль. К востоку от деревни мы внезапно обнаружили остановившийся из-за механической неисправности Т-IV, но его 75-миллиметровое орудие было в рабочем состоянии. Мы вздохнули с облегчением. В такой момент Т-IV был надежной защитой.

Теперь французские войска стояли повсюду, по обеим сторонам дороги, большинство из них расположились возле своих машин. К сожалению, не было возможности отправить их на марш в качестве пленных, так как у нас не было людей для конвоя. Там, где нам удалось заставить их двигаться, они шли только до тех пор, пока с ними был наш броневик, а как только мы проезжали, исчезали в кустах.

Я отдал танку Т-IV приказ удерживать высоту к востоку от деревни Маруаль и отправлять прибывающих с запада пленных на восток. Затем мы поехали дальше, но не успели проехать и нескольких сотен метров, как водитель сообщил, что ему нужно заправиться. К счастью, у него в машине еще оставалось несколько полных канистр бензина. Тем временем Ханке сообщил мне, что он получил донесение от экипажа Т-IV, что деревня за ним снова оккупирована противником. На моей легкобронированной машине не могло быть и речи о сражении с французскими танками и противотанковыми орудиями, поэтому я поехал обратно к Т-IV с идеей установить оттуда радиосвязь со всеми частями дивизии и организовать быстрое продвижение дивизии вглубь территории, которую мы захватили. К счастью, нигде поблизости не было слышно звуков сражения.

Едва я вернулся к Т-IV, как на горизонте появилась мотострелковая рота, быстро двигавшаяся по дороге из Марбе [*в 8 километрах к западу от Ландреси*]. Теперь, надеясь, что вслед за этой ротой последуют другие части, я снова поехал в направлении Авена, но не нашел ничего.

Немного восточнее Марбе французская машина вышла из бокового поворота слева и пересекла дорогу прямо перед моим броневиком. На наши крики она остановилась, из нее вышел французский офицер и сдался. За автомобилем в огромном облаке пыли приближалась целая колонна грузовиков. Я быстро повернул колонну в сторону Авена. Ханке забрался на первый грузовик, а я некоторое время стоял на перекрестке, крича и подавая знаки французским солдатам, чтобы они сложили оружие – война для них закончилась. На некоторых грузовиках были пулеметы с расчетами для защиты от атак с воздуха. Сквозь пыль невозможно было разглядеть, какой длины была колонна, а поэтому, когда проехало с пятнадцать машин, я встал во главе колонны и поехал к Авену. У самого города нам пришлось делать крюк по полям, дорога была перекрыта горящими машинами.

Наконец мы подъехали к юго-западному въезду в Авен, где обнаружили часть батальона Париса [*фамилия командира*], стоявшую возле кладбища. Не останавливаясь, Ханке привел автоколонну на стоянку и там разоружил войска противника. Теперь мы обнаружили, что за нами было не менее сорока грузовиков, многие из которых везли солдат.

Штаб дивизии прибыл в Авен около 16:00, и теперь части одна за другой стали занимать территорию, которую мы захватили ночью и рано утром. В ходе этого наступления 2-й дивизион артиллерийского полка успешно предотвратил ввод в бой 48 французских танков к северу от Авена. Танки стояли строем вдоль дороги, некоторые с работающими двигателями. Несколько водителей были взяты в плен прямо в танках. Это спасло 25-й танковый полк от атаки этих танков в тыл.

Потери 7-й танковой дивизии при прорыве продолжения линии Мажино (16/17 мая) в официальной истории дивизии оцениваются как 55 убитых и 50 раненых, на участке дивизии взято в плен около 10 000 человек вместе с 100 танками, 50 бронеавтомобилями и 27 орудиями.

Донесение заканчивается: «У дивизии не было времени собрать большое количество пленных и снаряжения».

Задав дислокацию дивизии между Ле-Като и французской границей западнее Сиври, я полтора часа отдохнул. Вскоре после полуночи поступил приказ на следующий день, 18 мая, продолжить наступление в направлении Камбре. Около 07:00 утра следующего дня в штаб прибыл адъютант 25-го танкового полка и доложил, что в лесу Помрёй [на полпути между Ландреси и Ле-Като] закрепились мощные силы противника и ему удалось прорваться с запада на восток на броневике под покровом ночи. 25-й танковый полк, продолжавший удерживать позиции у Ле-Като, срочно нуждался в горючем и боеприпасах, и командир полка приказал доставить их ему как можно быстрее.

Около 08:00 я отправил оставшийся танковый батальон в марш на Ландреси и Ле-Като с приказом прорваться к полку и доставить туда боеприпасы и горючее. За ними должен был следовать 37-й бронетанковый разведывательный батальон. Позже я вместе с Мостом и Ханке догнал танковый батальон в лесу в полумиле от деревни Помрёй и застал его ведущим бой с перегородившими дорогу французскими танками. На дороге завязались ожесточенные бои, и возможности обойти позиции противника ни с одной из сторон не было. Наши орудия казались совершенно неэффективными против тяжелой брони французских танков.

Французские танки имели от 40 до 60 мм брони, тогда как даже у немецких средних танков толщина брони составляла всего 30 мм, а у легких и того меньше.

Мы некоторое время постояли, наблюдая за боем с близкого расстояния, пока я наконец не решил вести батальон на юг через лес на Орс [в 6,5 километра к юго-западу от Ландреси]. Мы снова столкнулись с французами на северной окраине Орса, и продвижение замедлилось, пока мы пробивались вперед. По неизвестной причине колонна боеприпасов и горючего танкового полка за батальоном не последовала. Был полдень, когда мы наконец достигли позиций Ротенбурга. Он доложил, что его отряд удержал позицию, отражая сильные танковые атаки противника, но теперь он не может двигаться дальше и срочно нуждается в бензине и боеприпасах. К сожалению, в тот момент у меня не было возможности ему помочь.

Теперь к лесу Помрёй отправили необходимые силы, чтобы открыть кратчайший путь на Ландреси. Тем временем французская тяжелая артиллерия начала обстреливать наши позиции круговой обороны. Их огонь был точным, и часть позиции пришлось освободить. Уверенный в том, что битва у леса Помрёй скоро решится в нашу пользу, я отдал приказ танковому полку наступать на Камбре. К 15:00 ситуация улучшилась настолько, чтобы начать наступление.

В этих отрывках повествования Роммеля обилие подробностей несколько заслоняет смысл, и поэтому их можно кратко обобщить. Колонна с боеприпасами и горючим, оставленная к юго-востоку от леса Помрёй, дошла до двух батальонов 25-го танкового полка, расположенных возле Ле-Като, только через час. К тому времени, когда эти танки заправили боеприпасами и горючим, тот танковый батальон, который привел Роммель, уже ушел далеко вперед по безумной дороге к Камбре.

Я отдал приказ усиленному батальону Париса как можно быстрее обезопасить дороги, ведущие из Камбре на северо-восток и север. Под предводительством нескольких танков и двух групп зенитных самоходных орудий батальон продвигался на широком фронте и на большую глубину прямо через поля на северо-запад, поднимая большое облако пыли. Танки и зенитные орудия периодически вели огонь по северной окраине Камбре. Противник в Камбре, не сумевший в пыли разглядеть, что большинство наших машин небронированные, видимо, подумал, что с севера на город наступает масштабная танковая колонна, и не оказал сопротивления.

Ничего не могло быть хуже того, как французское командование использовало свои бронетанковые силы: у него было 53 танковых батальона против 36 немецких. Но все немецкие батальоны были собраны в дивизии (которых было десять), а половина французов были подразделениями поддержки пехоты. Более того, даже их семь дивизий бронетанкового типа задействовались по частям.

До войны единственными французскими бронетанковыми соединениями были так называемые «легкие механизированные дивизии» (200 танков), трансформированные из кавалерии. Три из них французы использовали для наступления на Бельгию. В то время насчитывались также четыре «бронетанковые» дивизии (всего по 150 танков), которые были сформированы зимой. Эти четыре дивизии бросили по отдельности и одну за другой против семи немецких бронетанковых дивизий (в среднем по 260 танков в каждой), которые двинулись через Маас огромной уже сплоченной фалангой. 1-ю французскую бронетанковую дивизию направили в Динан, но у нее кончилось горючее, и она была захвачена в плен, как уже писалось. 3-ю – направили в Седан, но распылили на поддержку находившейся там пехоты, ее остатки были опрокинуты тремя дивизиями Гудериана. 4-я (под командованием де Голля), недавно сформированная и недоукомплектованная, вступила в бой с флангом Гудериана, когда тот двинулся к Уазе, но была отброшена. 2-ю дивизию растянули вдоль 40-километрового участка фронта вдоль Уазы, и две передовые дивизии Гудериана быстро прорвались сквозь эту тонкую сеть статичных мелких подразделений.

Три французские механизированные дивизии в Бельгии дислоцировались к северу от Камбре, и, хотя две из них были разбиты в бою с танковым корпусом Гёппнера на Фламандской равнине, они все еще представляли собой мощную силу. 8 августа им приказали нанести удар на юг, в сторону Камбре и Сен-Кантена, но этот приказ не был выполнен, поскольку значительную часть танков выделили в поддержку пехоте на различных участках.

Что же касается англичан, то у них во Франции было всего десять танковых частей, и все они были рассредоточены по пехотным дивизиям. Первая бронетанковая дивизия отправилась во Францию только после начала немецкого наступления.

Глава II

Захлопывание ловушки

Быстрый прорыв Роммеля закончился захватом Камбре. Поскольку 16 мая находящиеся в опасности союзные армии наконец начали отход с далекого передового рубежа в Бельгии, а 18 мая правое крыло немецких танковых войск вступило в бой с теми силами, которые 1-я французская армия отправила назад, чтобы прикрыть тыл. Потрясающий импульс танкового наступления опрокинул эти оказавшиеся на пути войска на последнем рубеже от Ле-Като до Камбре, но ожесточенное сопротивление и фланговая угроза вызвали беспокойство у высшего немецкого командования. Итак, пока корпуса Гудериана и Рейнгардта продолжали наступление на запад, корпус Гота (включая дивизию Роммеля) на правом фланге остановился и ждал до тех пор, пока к нему не подошли пехотные подкрепления, которые взяли на себя защиту северного фланга.

Можно кратко резюмировать рассказ Роммеля о следующих двух днях. Преодолев участок между Ле-Като и Камбре, он сделал паузу, чтобы реорганизовать силы и доставить припасы, а также дать своим войскам возможность поспать и восстановиться. Он планировал продолжить наступление вечером 10-го числа с целью выйти на возвышенность юго-восточнее Арраса.

Ближе к вечеру он обсуждал план со своим штабом в штабе дивизии, когда внезапно появился командующий корпусом генерал Гот и приказал отложить наступление на том основании, что войска были слишком истощены боями последних дней. Роммель не разделял мнения Гота. Войска двадцать часов были на одном и том же месте, сказал он, и ночная атака при лунном свете приведет к меньшим потерям, — и Гот дал ему разрешение на наступление.

Наступление на Аррас началось в 01:40 (20-го числа), и Роммель сопровождал танковый клин, который в 06:00 достиг Борена (в 3,2 километра к югу от Арраса). Однако мотострелковые полки не следовали за авангардом танкового клина, как предполагалось, поэтому Роммель поехал на броневике назад, чтобы ускорить их продвижение, но обнаружил, что французы тем временем проникли на его коммуникации. Следующие несколько часов он находился в чрезвычайно затруднительном положении, пока его не спас подход пехотного полка с артиллерией. Затем эти войска были переведены в оборону к югу от Арраса, поскольку поступили сведения о том, что вокруг этого города сосредоточилось несколько французских и британских дивизий.

21-го числа 7-я танковая дивизия должна была наступать, обходя Аррас с фланга в северо-западном направлении с дивизией СС «Тотенкопф» на левом фланге, а 5-я танковая дивизия наступала восточнее Арраса. Вновь прикрывая незащищенный фланг артиллерией, на этот раз Роммель расположил бронетанковый разведывательный батальон между формировавшимся острие наступления танковым полком и такими же стрелковыми полками сзади — для защиты линий снабжения и поддержания дороги открытой. И как показывает его рассказ, эти меры предосторожности были вполне оправданы.

Около 15:00 я отдал танковому полку приказ наступать. Хотя количество бронетехники к этому времени серьезно уменьшилось в результате поломок и потерь, это была образцовая атака. Когда я увидел ее мощь, я был убежден, что новый бросок 7-й танковой дивизии на вражескую территорию будет не менее успешным, чем все другие операции предыдущих дней. Я действительно собирался вновь сопровождать танки сам, вместе с моими посыльными, лейтенантом Мостом, броневиком и машиной связи и командовать оттуда операциями по радио, но пехотные полки так медленно продвигались сквозь транспортные заторы, что я сразу же вернулся, чтобы найти 7-й стрелковый полк и заставить его поторопиться. Его нигде не было. В

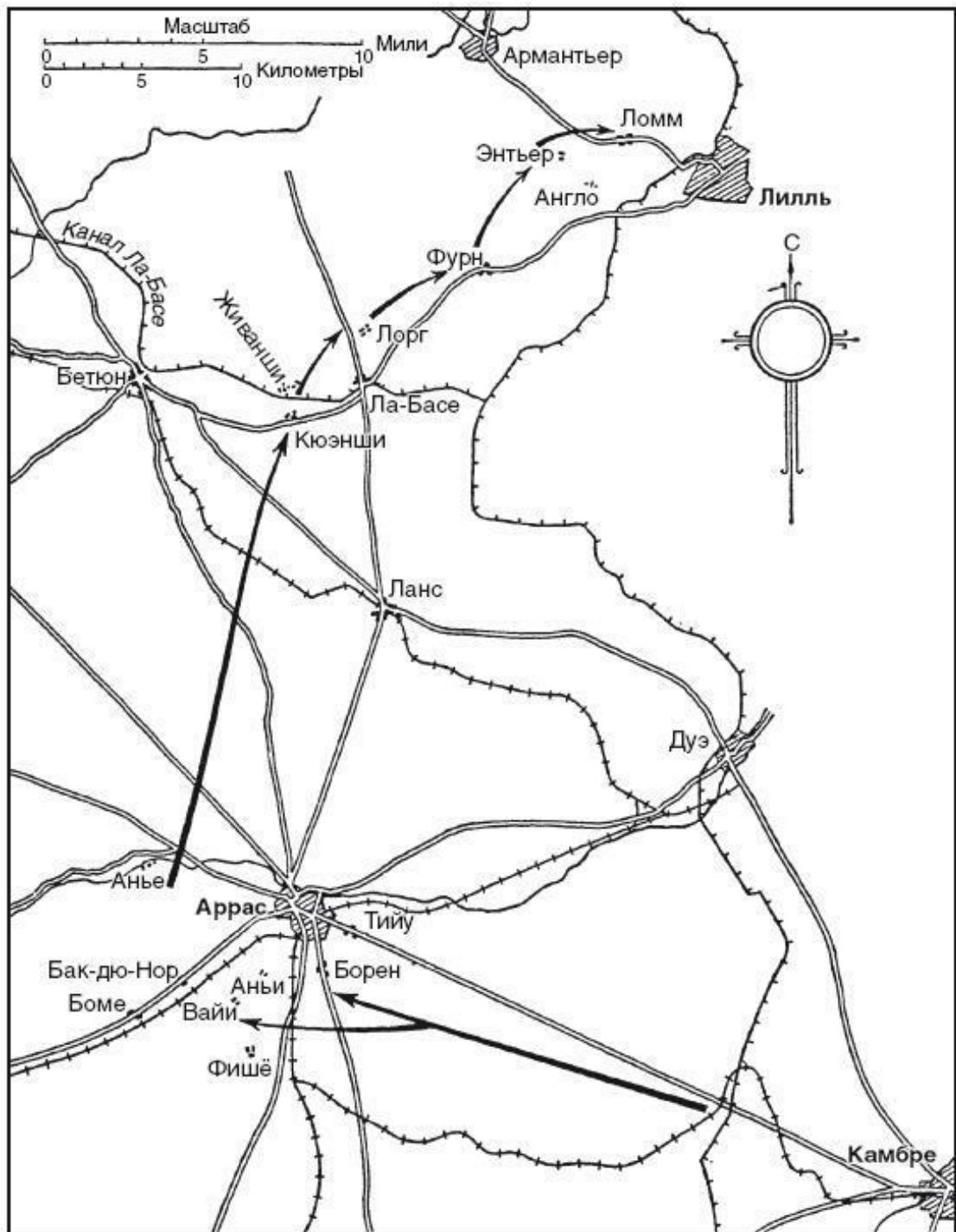
километре или около того к северу от Фише мы, в конце концов, наткнулись на подразделение 6-го стрелкового полка и, двигаясь рядом с их колонной, повернули вместе с ними в сторону Вайи. Метрах в восьмистах к востоку от деревни мы попали под обстрел с севера. Одна из наших гаубичных батарей уже заняла позиции у северного выезда из деревни и вела беглый огонь по вражеским танкам, наступавшим из Арраса на юг.

Эта атака была поспешно организована командованием союзников в попытке прорвать окружение, которое быстро смыкалось вокруг их армий в Бельгии. С этой целью британские 5-я и 50-я дивизии были брошены на юг, к Аррасу, вместе с 1-й армейской танковой бригадой (танки непосредственной поддержки пехоты), а французы планировали помочь двумя механизированными дивизиями и двумя пехотными дивизиями. На подготовку наступления ушло больше времени, чем предполагалось, и начали его до того, как ее удалось завершить. 20-го числа утром корпус Гудериана ворвался в Амьен и в тот же вечер вышел к морю у Абвиля, перерезав линии снабжения союзных армий – смертельный удар.

Под давлением чрезвычайной ситуации британский командующий решил, больше не дожидаясь французов, начать наступление. Однако в том виде британская контратака свелась к двум танковым батальонам (4-й и 7-й Королевского танкового полка с 74 танками) при поддержке двух пехотных батальонов. Части французской 3-й легкой механизированной дивизии (70 танков) помогли на правом фланге.

Теперь мы попали под пулеметный огонь, и пехота справа уже залегла, а мы с Мостом бежали впереди броневиков к позиции батареи. Вряд ли батарея не совладает с вражескими танками, поскольку артиллеристы спокойно выпускали в них снаряд за снарядом, совершенно не обращая внимания на ответный огонь. Пробежав за позициями батарей, мы прибыли в Вайи, а затем вызвали машины.

Танковый огонь противника создал хаос и смятение наших войск в деревне: вместо того чтобы всеми доступными средствами отбиться от наступающего врага, они загромождали дороги и дворы техникой, и мы попытались навести порядок. Сообщив штабу дивизии о критической ситуации в районе Вайи, мы поехали к холму в 1000 метрах от околицы, где обнаружили легкие зенитные и несколько противотанковых пушек с расчетами, расположенных в лощинах и небольшом лесу, большинство в полностью оборудованных укрытиях. Примерно в километре к западу от нашей позиции передовые вражеские танки, в том числе один тяжелый, уже пересекли железную дорогу Аррас – Боме и обстреляли один из наших танков. В то же время несколько вражеских танков продвигались по дороге из Бак-дю-Нор и через железнодорожные пути в сторону Вайи. Ситуация была очень трудная, потому что несколько вражеских танков также находились очень близко к Вайи с северной стороны. Расчет гаубичной батареи, находившейся на некотором расстоянии, теперь оставил свои орудия, увлекаемые отступающей пехотой. С помощью Моста я тотчас пустил в бой против танков все имеющиеся орудия. Каждому орудью, как противотанковому, так и зенитному, было приказано немедленно открыть беглый огонь, и я лично дал каждому орудью цель.

4. Бои вокруг Арраса и Лилля

Когда вражеские танки были в опасной близости, спасти положение мог только беглый огонь из всех орудий. Мы бегали от орудия к орудию. Возражения командиров орудий о том, что дальность стрельбы все еще слишком велика для эффективного поражения танков, были отмечены. Я заботился только о том, чтобы остановить вражеские танки сильным артиллерийским огнем. Вскоре нам удалось вывести из строя передовые танки противника. Примерно в 140 метрах к западу от нашего небольшого леса из тяжелого танка вылез британский капитан и, подняв руки, нетвердой походкой направился к нам. Мы убили его водителя. И около гаубичной батареи – несмотря на дистанцию от 1000 до 1300 метров – скорострельностью наших

противотанковых и зенитных орудий удалось остановить танки противника и заставить некоторые из них повернуть назад.

Теперь мы направили огонь на другую группу танков, атакующую со стороны Бак-дю-Нор, и нам удалось отразить танки, одни поджечь, другие остановить, а остальные заставить отступить. Хотя во время этого боя мы находились под очень плотным танковым огнем, артиллерийские расчеты сработали великолепно. Казалось, худшее позади и атака отбита, как вдруг Мост рухнул на землю за 20-миллиметровым зенитным орудием рядом со мной. Он был смертельно ранен, изо рта хлынула кровь. Я понятия не имел, что в этот момент рядом с нами велась стрельба, кроме 20-миллиметрового орудия. Но теперь противник внезапно повел сильный артиллерийский огонь по нашим позициям в лесу. Бедному Мосту уже ничем нельзя было помочь, и он умер прежде, чем его успели отнести в укрытие рядом с артиллерийской позицией. Смерть этого храброго человека, великолепного воина глубоко задевала меня за живое.

Тем временем в районе Тийу – Борен – Аньи шли ожесточенные и кровопролитные бои. Очень мощные бронетанковые силы вырвались из Арраса и атаковали наступавший 1-й батальон 6-го стрелкового полка, нанеся ему большие потери в живой силе и технике. Противотанковые орудия, которые мы быстро развернули, оказались слишком легкими, чтобы эффективно противостоять тяжелобронированным британским танкам, и большинство из них вместе с расчетами было уничтожено артиллерийским огнем, а затем раздавлено вражескими танками. Многие наши машины были сожжены, части СС поблизости также были вынуждены отступить на юг под напором танковой атаки. Наконец, дивизионной артиллерии и 88-миллиметровым зенитным батареям удалось остановить бронетехнику противника южнее линии Борен – Альп. Только артиллерией было уничтожено 28 танков противника, а на долю зенитных орудий приходилось один тяжелый и семь легких танков.

Пока вокруг 7-го стрелкового полка шел ожесточенный бой, 25-й танковый полк Ротенбурга стремительно достиг своей цели, а затем тщетно ждал прибытия разведывательного батальона и стрелковых полков. Около 19:00 я отдал приказ танковому полку наступать на юго-восток, чтобы ударить во фланг и тыл по вражеской бронетехнике, наступающей на юг от Арраса. В ходе этой операции танковый полк столкнулся с превосходящими силами тяжелых и легких танков и многочисленными орудиями противника южнее Альп. Разгорелся ожесточенный бой, танк против танка, чрезвычайно тяжелое сражение, в котором танковый полк уничтожил семь тяжелых танков и шесть противотанковых орудий и прорвал позиции противника, хотя и ценой трех танков Т-IV, шести танков Т-III и ряда легких танков⁸.

Это столкновение привело вражеские танки в такой беспорядок, что, несмотря на превосходство в численности, они отступили в Аррас. С наступлением темноты бои прекратились. Тем временем ситуация к северо-западу от Вайи полностью вернулась в исходное положение.

Это наступление было единственным серьезным контрударом, нанесенным пойманными в ловушку армиями, прежде чем наступил конец. И сколь бы ни были незначительны его масштабы, оно повергло немцев в шок.

В шок из-за толстой танковой брони, а не из-за глубины прорыва. Британцы задействовали здесь медленные, но хорошо бронированные танки непосредственной поддержки пехоты «Матильда». Всего у них было 58 небольших танков Mark I, вооруженных только пулеметами, и 16 более поздних и более крупных танков Mark II с двумя пулеметами. Даже максимальная скорость «Марка» составляла всего 19 километров в час, но 75 мм (3 дюйма) их брони оказались непробиваемыми для обычных 37-миллиметровых немецких противотанковых орудий, при этом от них даже артиллерийские снаряды часто отскакивали. Французские сред-

⁸ Официальная история 7-й танковой дивизии гласит, что потери дивизии в этот день составили 89 человек убитыми, 116 ранеными и 173 пропавшими без вести. Это в четыре раза больше потерь, понесенных во время прорыва во Францию.

ние танки «Сомоа» были быстрее и имели более тонкую броню, хотя и не такую тонкую, как немецкие.

Продвижение не имевших численного превосходства британских танков было затруднено из-за слабой поддержки пехоты, артиллерии и отсутствия поддержки с воздуха. Во многом именно эти недостатки остановили наступление после очень многообещающего начала, а затем обратили его вспять.

Но его влияние на умы и моральный дух высшего немецкого командования было очень заметным и совершенно несоразмерным материальным результатам. Оценивая кампанию 1940 года после окончания войны, фельдмаршал фон Рундштедт сказал: «Критический момент в наступлении настал, как только мои силы достигли Ла-Манша. Это было вызвано британским контрударом к югу от Арраса 21 мая. Какое-то время существовали опасения, что наши бронетанковые дивизии окажутся отрезанными прежде, чем пехотные дивизии смогут подойти им на поддержку. Ни одна из контратак французов не представляла такой серьезной угрозы, как эта». Особенно занервничали Клюге и Клейст. Клюге был склонен прекратить любое дальнейшее продвижение на запад от Арраса до тех пор, пока ситуация там не прояснится. Клейст тоже стал нервно-осторожен. Таким образом, когда 22-го числа Гудериан повернул на север от Абвиля, направляясь в сторону Булони, Кале и Дюнкерка, его продвижение было замедлено ограничительными приказами Клейста.

Затем, 24-го числа, корпуса Гудериана и Рейнгартта были остановлены по приказу Гитлера, когда они находились всего в 10 милях от Дюнкерка – единственного оставшегося порта, через который британская армия могла выбраться из ловушки. Но этот судьбоносный приказ был отдан лишь после того, как Гитлер посетил Рундштедта, на которого, естественно, повлияли осторожные взгляды Клюге и Клейста. Когда два дня спустя, 26-го числа, приказ о приостановке продвижения был отменен, шансы предотвратить отход британской армии исчезли, потому что было дано время организовать вокруг порта прикрытие.

23 мая 1940 года

Дорогая Лу!

После нескольких часов сна пришло время написать тебе. Я в порядке во всех отношениях. Моя дивизия добилась блестящего успеха. Динан, Филиппвиль, прорыв линии Мажино и продвижение за одну ночь на 60 километров вглубь территории Франции до Ле-Като, затем Камбре, Аррас, всегда далеко впереди всех. Теперь стремительное наступление призвано взять в окружение 60 британских, французских и бельгийских дивизий. Обо мне не беспокойся. Насколько я понимаю, война во Франции может закончиться через две недели.

24 мая 1940 года

Рядом с Бетьюном. Я в прекрасной форме. Разумеется, целый день в пути. Но, по моим оценкам, война будет выиграна через две недели. Прекрасная погода – раз уж на то пошло, слишком много солнца.

26 мая 1940 года

День или два передышки оказали очень благотворное влияние. На сегодня дивизия потеряла 27 офицеров убитыми и 33 ранеными и 1500 солдат убитыми и ранеными. Это потери около 12 процентов личного состава. Очень мало по сравнению с тем, что достигнуто. Худшее уже позади. Маловероятно, что будут еще какие-то тяжелые бои, потому что мы дали врагу надлежащую взбучку. Еда, питье и сон возвращаются в привычный режим. Шреплер уже вернулся. Его преемник был убит в метре от меня.

22 и 23 мая Роммель продвинулся вперед, обойдя западную окраину Арраса, и под давлением этой фланговой угрозы британские войска в ночь на 23 мая отошли к линии канала (29 километров к северу), идущей через Ла-Басе и Бетюн к морю у Гравелине, юго-западнее Дюнкерка. 24 мая пришел приказ Гитлера остановить танковые войска на этой линии канала.

Следующие два дня Роммель потратил на реорганизацию своей дивизии, части которой сильно пострадали в результате британской танковой атаки 21-го числа.

Отмена Гитлером 26 мая приказа о приостановке продвижения совпала с решением британцев отойти к морю у Дюнкерка. Большая часть сил, удерживающих линию канала, уже отводилась на север, чтобы укрепить фронт в Бельгии, где группа армий Бока оказывала все возрастающее давление, под которым бельгийская армия рухнула и капитулировала на следующий день.

Как только приказ о приостановке продвижения был отменен, Роммель быстро возобновил свое наступление на север, в направлении на Лилль, с целью отрезать силы союзников, которые все еще прикрывали город и располагались к востоку от него.

На этом этапе кампании командиры союзников, у которых были перерезаны пути снабжения, естественно, преувеличивали трудности своего положения. Но с «другой стороны холма» все выглядело иначе, как ясно показывает рассказ Роммеля. Трудность, с которой он столкнулся при форсировании канала Ла-Басе, особенно заметна по сравнению с легким из-за очень слабой обороны форсированием Мааса. Сектор, который он атаковал, удерживал всего один британский батальон.

Согласно донесениям с воздуха, поступившим в мой штаб во второй половине дня 26 мая, замеченный к северу от канала противник отступает на северо-запад. Я немедленно запросил у корпуса разрешения в тот же вечер захватить на берегу канала плацдарм. Вскоре оно было получено.

Я оставался с войсками на канале весь вечер. 37-му разведывательному батальону, хотя и сильно пострадавшему от действий снайперов, удалось с помощью артиллерии оттеснить бронетанковые дозоры до самого канала, но сильное сопротивление противника не позволило захватить плацдарм. Однако 7-й стрелковый полк в тот вечер добился заметного успеха, переправив части обоих своих батальонов через канал Ла-Басе, который был заблокирован огромным количеством затопленных барж. После ликвидации ряда вражеских пулеметных гнезд оба батальона закрепились на северном берегу. Если не считать незначительных потерь на переправе от флангового огня британских пулеметных позиций с запада, создание плацдарма в этом месте, по-видимому, не вызвало больших затруднений, и были веские основания ожидать, что ночью батальонам удастся занять сильную позицию на северном берегу.

Рано утром следующего дня, 27 мая, я поехал на место переправы у Кюэнши, чтобы своими глазами увидеть, как идут дела. Снайперы продолжали очень активно работать, в основном слева, и несколько человек были ранены, в том числе лейтенант фон Энкефорт, хотя у него была не более чем царапина.

Саперный батальон собрал несколько понтонов в небольшой гавани недалеко от канала, которых хватило для строительства моста. Однако они собрали 8-тонные понтоны вместо длинных 16-тонных понтонов, которым было слишком трудно маневрировать среди препятствий из затопленных или полузатопленных барж, блокировавших канал. Саперы уже пытались проделать проход взрывчаткой, но без особого успеха вследствие громоздкости затопленных барж.

Перспективы атаки через канал выглядели скверно. Части 2-го батальона 7-го стрелкового полка переправились на резиновых лодках и расположились на противоположном берегу в кустах недалеко от канала. Батальон, однако, не укрепил свои позиции на северном берегу, как я того хотел, и не окопался, а также не взял деревню Живанши. Также не проведена зачистка противника на несколько сотен метров вдоль северного берега на запад, не переправлены противотанковые и тяжелые орудия. Огневая защита тяжелой роты на южном берегу тоже неадекватна. Вероятно, то же самое и с 1-м батальоном [занявшим плацдарм немного восточнее].

Я приказал недавно переданному под мое командование 635-му саперному батальону построить мост из 16-тонных понтонов в секторе, удерживаемом батальоном Крамера, возле взорванного моста в Кюэнши.

Потом под моим личным руководством 20-миллиметровые зенитные орудия, а позже и Т-IV были наведены на вражеских снайперов, которые вели весьма неприятный огонь слева и поражали наших бойцов одного за другим. Я приказал снести все дома и сжечь кусты на расстоянии от 300 до 600 метров к западу от места переправы 2-го батальона, после чего мы вздохнули немного спокойнее. Я смог лично убедиться, насколько эффективным был наш огонь, когда два дня спустя мы снова двинулись через канал. Британцы расположились в шлюзовой камере, из которой, судя по количеству найденных там мною гильз, вели непрерывный огонь во фланг моим войскам. Несколько наших снарядов уничтожили обитателей здания. В подвале лежало множество окровавленных бинтов и тело британского солдата.

Пока велся огонь по этим гнездам, а саперы сооружали аппарель на северном берегу и с большим трудом устанавливали первые понтоны, поступило сообщение, что сильный отряд танков противника из Ла-Басе атаковал позиции 7-го стрелкового полка на восточном плацдарме и отбросил батальон Крамера за канал. Танки противника, в том числе несколько тяжелых британских⁹, теперь стояли на северном берегу и поливали южный берег пулеметным и артиллерийским огнем. Мы слышали огонь противника в нескольких сотнях метров от нас. Справа от нас и существовала серьезная опасность того, что танки противника продвинулись вдоль берега канала на запад и атакуют находящийся на северном берегу батальон Бахмана, у которого еще не было противотанковых средств, кроме противотанковых ружей, а у его плацдарма не было глубины. Если бы противник воспользовался своим шансом, он мог бы оказаться у западной переправы через несколько минут.

Ситуация была самой критической. Я настойчиво поторапливал саперов и приказал наскоро сплотить понтоны, чтобы переправить хотя бы несколько орудий и танков. С таким количеством затонувших барж и других блокирующих канал препятствий мост невозможно было проложить прямо, а значит, его конструкция не могла быть прочной. Когда первый Т-III перевалил через реку, несколько понтонов заметно покосились, и танк едва не соскользнул в канал. Пока он переправлялся, я отправил Т-IV на 45 метров на восток вдоль высокого берега нашей стороны канала с приказом немедленно открыть огонь по вражеским танкам, атакующим от Ла-Басе. Огонь этого Т-IV остановил головной танк противника. Вскоре после этого к нему присоединился Т-III на северном берегу, а еще через несколько минут – переброшенная вручную гаубица. Вскоре это остановило танковую атаку противника.

Начались работы по укреплению моста из 16-тонных понтонов, и вскоре по нему двинулся постоянный поток машин. Первыми по переправе шли полевые орудия, противотанковые и 20-миллиметровые зенитные пушки, затем подразделения 25-го танкового полка и 88-миллиметровые орудия зенитной батареи. Все это время 2-й батальон 7-го стрелкового полка расширял свой плацдарм на северном берегу канала. Наконец при поддержке артиллерии он занял ключевую деревню Живанши, батальон Крамера переправился по его стопам на западный плацдарм, куда позже весь стрелковый полк переплыл на лодках, чтобы атаковать противника у Кантеле. В результате к полудню плацдарм расширился до линии Кантеле – Живанши, и после ожесточенного сопротивления было захвачено большое количество британских пленных. Недавно завоеванная территория на северном берегу теперь постоянно заполнялась артиллерией и зенитными орудиями. Около полудня Хайдкемпер сообщил по радио, что меня срочно вызывают в штаб дивизии, поскольку приказом командования корпуса 5-я

⁹ Под «тяжелыми британскими танками» Роммель, очевидно, имел в виду «Матильду» – танк непосредственной поддержки пехоты Mark II весом 26 тонн, но «тяжелым» он был еще и в том смысле, что был медленнее по сравнению с немецкими средними танками Т-III (20 тонн и 34 км/ч) и Т-IV (22 тонны и 32 км/ч). Но сейчас британская танковая бригада сократилась до одной сводной роты из шестнадцати танков с единственным танком Mark II.

танковая бригада (генерала Харде) передана под мое командование для наступления на Лилль. Вскоре после моего прибытия вошел генерал Харде со своими командирами полков и доложил о местонахождении и т. д. своей бригады.

Это были танки 5-й танковой дивизии, одного из довоенных соединений, и ее танковая бригада состояла из двух полков, по два танковых батальона в каждом, тогда как в дивизии Роммеля был только один танковый полк из трех батальонов. В начале кампании в 5-й танковой дивизии было 324 танка против 218 у Роммеля.

Вместе с генералом Харде я поехал к мосту у Кюэнши, к тому времени, когда мы были, уже законченному. Движение по нему уже шло полным ходом, хотя крутизна пандусов с обеих сторон не позволяла ему быть очень быстрым. Стрелковая бригада уже переправилась на северный берег, но без машин. 25-й танковый полк стоял в готовности к атаке в районе Живанши, и на северном берегу располагались крупные силы артиллерии, легких и тяжелых зенитных орудий. Несколько вражеских батарей вели сильный беспокоящий огонь по нашему плацдарму. Район, удерживаемый нашими войсками на северном берегу, был слишком тесным, и я приказал 25-му танковому полку расширить плацдарм атакой на Лорг [*в 3 километрах севернее вдоль канала*]. Около 15:00 5-я танковая бригада начала движение через понтонный мост Кюэнши. Крутизна пандусов не давала переправе пройти так быстро, как хотелось бы. Несколько большегрузных автомобилей застряли на подъездах к мосту, и их пришлось эвакуировать. Я не мог согласиться с предложением генерала Харде о том, что в этих обстоятельствах наступление следовало отложить, и бригаде было приказано выступить ровно в 18:00 с теми танками, которые уже переправили на северный берег.

Тем временем 25-й танковый полк совершил большой рывок вперед и достиг района деревни Лорг. Во время этого наступления полк вел тяжелые и кровопролитные бои против мощного укрепленного района, который наконец удалось прорвать. Батареи противника, до тех пор продолжавшие обстреливать наш плацдарм, теперь на полном ходу отходили перед наступающими немецкими танками. Атака танкового полка продолжилась и своим огнем пробивала видимую брешь во фронте противника, через которую затем двинулась дивизия, усиленная танковой бригадой Харде. Поскольку танки пробивались по сельской местности, продвижение было не настолько быстрым, чтобы пехота не могла за ним следовать рассыпным строем на широком фронте. Вскоре танковый полк Вернера справа вышел вперед, и за ними последовали другие части 5-й танковой бригады. Я был чрезвычайно впечатлен большим количеством исправных танков, которыми располагала 5-я дивизия. В танковой бригаде было гораздо больше танков, чем в моей дивизии.

Уже сгустились сумерки, когда я добрался до амбара в 800 метрах к востоку от Фурна и догнал на дороге в Лилль командирскую машину Ротенбурга. Бои в самом Фурне [*в 10 милях к юго-западу от Лилля*], казалось, уже закончились. Примерно в полумиле к востоку передовые части 5-й танковой бригады находились в процессе перегруппировки. Несмотря на наступление ночи, я отдал 25-му танковому полку приказ продолжать наступление и перекрыть западный выезд из Лилля и дорогу на Армантьер. Полк должен был занять круговую оборону в окрестностях Ломма [*на окраине Лилля*] и ждать прибытия подкрепления, которое я им пришло.

Ротенбург спросил, не хочу ли я сам сопровождать атаку, но я был вынужден отказаться ввиду трудности управления дивизией в тогдашней обстановке. Радиосвязь снова была практически недоступна, и мне казалось важнее направлять остальную часть своих сил, если возможно, лично, на позиции вокруг нашей последней цели в Ломме и проследить, чтобы они действительно туда добрались. Также я должен был обеспечить прибытие к рассвету значительного подкрепления для 25-го танкового полка и организовать его снабжение боеприпасами и горючим – задача не из легких. Я хотел любой ценой избежать повторного попадания танкового полка в то трудное положение, в котором он оказался под ЛеКато.

Радиосвязь с генералом Харде оказалась невозможной, и я попытался через штаб дивизии передать ему приказ немедленно наступать на Англо вслед за 25-м танковым полком. Однако мне не удалось привести в движение главные силы бригады, и атаку на Англо пришлось производить сначала только ротой, а потом батальоном. К сожалению, я не мог ехать прямо по полям в темноте и доставлять приказы сам, поскольку мой мобильный полевой штаб был недостаточно укомплектован транспортными средствами повышенной проходимости. В любом случае это подвергало бы нас опасности быть принятыми за британскую разведывательную группу и обстрелянным одним из танковых подразделений 5-й танковой бригады, разбросанных по окрестностям.

27 мая 1940 года

Дорогая Лу!

Я в полном порядке. Сейчас мы заняты окружением британцев и французов в Лилле. Я задействован с юго-запада. Я во всем стираном и т. д. Гюнтер [*денищик Роммеля*] хорошо об этом заботится. Я сделал много фотографий.

7-я танковая дивизия 27/5/40

Адъютант.

Моя дорогая фрау Роммель!

Позвольте мне сообщить вам, что фюрер поручил лейтенанту Ханке наградить вашего мужа от его имени Рыцарским крестом¹⁰.

Каждый в дивизии – в особенности я, которому выпала честь сопровождать генерала, – знает, что никто не заслужил этого больше, чем ваш муж. Он привел дивизию к успехам, которые, я думаю, надо назвать уникальными.

Теперь генерал снова с танками. Если бы он знал, что я пишу вам, *уважаемая госпожа*, он бы немедленно поручил мне передать вам свой самый сердечный привет и известие, что он здоров.

Я прошу вас принять извинения за то, что я безлично пишу на пишущей машинке, но моя рука еще недостаточно окрепла после раны, чтобы писать разборчиво.

С сердечным приветом от всего личного состава и остаюсь, *моя уважаемая госпожа*,

Вашим покорным слугой,

Шреплер

Тем временем Ротенбург за ночь продвинулся далеко на север. Его путь был освещен горящими машинами, расстрелянными его отрядами, я отдал приказ усиленным 6-му и 7-му стрелковым полкам развернуться в глубину для обороны вновь завоеванной территории, 37-му разведывательному батальону – выдвинуться на Фурн и оставаться в моем распоряжении. Когда приказы были отданы, я отправился в Фурн, чтобы наблюдать за их исполнением. Масивные каменные баррикады и глубокие траншеи чрезвычайно затрудняли передвижение через Фурн. Несколько колонн выстроились в очередь, и потребовалось некоторое время, прежде чем клубок удалось распутать. Я приказал большинству колонн съехать с дороги на соседние поля, где они должны были ждать, пока не установится упорядоченный поток движения. Среди всего этого столпотворения я нашел часть колонны горючего и боеприпасов 25-го танкового полка, которой приказал отойти на обочину и ждать моих распоряжений.

¹⁰ Во время Второй мировой войны за храбрость награждали следующими наградами: Железный крест 1-го и 2-го класса. (1-й класс в основном присуждался офицерам.) Немецкий крест в золоте. (Промежуточная степень между Железным крестом 1-го класса и Рыцарским крестом, награждено около 3000 человек.) Рыцарский крест Железного креста (от 1500 до 3000 награжденных). Рыцарский крест Железного креста с дубовыми листьями (от 250 до 300 награжденных). Рыцарский крест Железного креста с дубовыми листьями и мечами (от 80 до 100 награжденных). Рыцарский крест Железного креста с дубовыми листьями, мечами и бриллиантами (награждено около 30 человек). Позже в ходе войны эти награды также вручались за командные заслуги. (Примеч. Альфреда Роммеля)

Я намеревался переправить эти машины в 25-й танковый полк ближе к ночи под прикрытием 37-го разведывательного батальона.

Около полуночи я на западной окраине Фурна встретился с командиром разведывательного батальона майором Эрдманом и сказал ему ожидать оперативного оповещения и выступить на следующее утро, 28 мая. Затем я вместе с непосредственными подчиненными встал на постой в доме на западной окраине Фурна. В 40 часов [28 мая]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.